

РЕМНЁВ

Двое в лукошке

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

РЕМНЁВ РЕМНЁВ

Двое в лукошке

<https://litres.ru/70452928>

SelfPub; 2026

Аннотация

В продолжении "Семи пятниц на неделе" героиня Ирен рассказывает о совершенно другой версии своей истории, версии отношений с Реном. Мир Странного здания предстает глазами женщины, влюбленной и, благодаря этому, одновременно переживающей непростой отрезок своей жизни.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	52
Глава 3	60

РЕМНЁВ

Двое в лукошке

Глава 1

1.

...сiju в темной комнатке ГЗ-шного блока и вдыхаю вездесущий запах давней эпохи. Сiju уже довольно долго, этак смиренно сiju, сложив руки на коленях. Чей-то блок, за окном вечер, уютно светит настольная лампа, негромко говорит радиоприемник. Сiju и жду, когда же зайдет хозяин комнаты: «Не понял!», «не волнуйтесь! Вы ведь Виктор?», «нет, вы ошиблись!», «о, простите! Значит, заблудился». Или хозяйка: «ой, а вы кто?!», «простите! А Виктор скоро будет?», «какой Виктор? Вы ошиблись блоком! Как вы вообще зашли?»...

Уже и блондинка какая-то предлагала финансовые услуги, что-то связанное со страхованием жизни, но я прикинулся душевнобольным из Профилактория, которому жизнь надоела, и она ретировалась, с неприличной даже поспешностью.

...может быть, в фильмах это сплошь и рядом. Но чтобы вот так внезапно рубка шпилья растворилась, стекла вниз словно сбегавший на плите кофе, проявилась как негатив фотопленки в другой реальности, это офигеть можно.

Осмотревшись, я обнаружил, что это уже не Рубка, а просто блок, полутемный, с оставленным кем-то ушедшим включенным радиоприемником, и что все это уже было где-то и когда-то, в другой жизни.

...но ничего не происходило. Потом мне эта настольная лампа надоела. И радиоприемник надоел, который кто-то забыл выключить. Он все бубнил и бубнил. Я все чего-то или кого-то ждал. Так бывает только во сне: ты по умолчанию знаешь, что сейчас вот произойдет что-то. Я прислушивался к звукам, совершенно обычным звукам совершенно обычного мира. В коридоре иногда кто-то проходил мимо. Один раз послышался чей-то голос, он интересовался, есть ли «Оля, у нас есть картошка?». И все. Хозяин блока, видимо, вышел надолго.

С другой стороны, так здорово, когда ничего не происходит. Когда можно просто посидеть и черт с ним, что бубнит радио, и что за дверью ходят иногда.

Близнец, просыпайся. Давай поозираемся, Близнец. Давно мы этого не делали. Надо сказать, что Близнец, в сущности своей, ленивая схема. Ты с ним все равно что джин, держащий в руке осколок потустороннего мира, и этот осколок – могущественная вещица, настолько могущественная, что осознать такое могущество даже в малой степени не представляется возможным. Я не раз задумывался о том, что ведь не может такого быть, у нас, здесь. И сразу – а почему, собственно, не может? Где-то может, а у нас на Земле – не мо-

жет? Ничего подобного. По нашим понятиям, Близнецы могут все, как тысяча демиургов вместе взятых...и еще больше. Но сам Близнец никогда и ничего не предложит. Он, видимо, не для того создан. Он словно кошка, которая вроде бы с тобой, но думает о своем, и молчит, пока не спросишь, да и ответы только недавно стали похожи на человеческие...

Ладно. Что у нас есть?

Сканирование реальности – как чертова адская инженерия! Почему-то он назвал это «тёркой». А я бы назвал это вмешательством, когда ты видишь насквозь через стену, что там творится у соседа. Терка началась с соседнего блока. Пусто. Но жутко, ведь я вдруг оказался прямо посреди комнаты, словно телепортировав через стену. Далее, блок аспиранта Б., дремлет человек, ну, пусть, вот только сероводорода слишком много, ну, пугает аспирант во сне, это по-человечески. Боюсь пошевелиться, чтобы не разбудить. Близнец хихикает. А, ну да, это же в голове, а на самом деле я все еще в том блоке, никуда из него и не выходил. В соседней комнате аспирант С., что-то читает, по временам выписывает что-то в записную книжку. Затем семейный блок. Двое детишек, родители, аспиранты О. (она русская), и аспирант К. (из Сирии). Ужинают. Нет, не то. Дальше, дальше, должно же быть что-то, бормочет Близнец. Передо мной прямо в воздухе вспыхивают и гаснут картинки. Ага, вот оно.

Тоже семейный блок, совмещенный, большой. «Парные личности», говорит Близнец, «редкость, тебе повезло. А для

дубля вашего мира, заметь, где мы сейчас находимся физически, вообще один случай на миллиард. То, что нужно. Твой шанс. У них там девушка – она уже «произошла», и ей надо помочь обновиться, в этой реальности, все внимание на нее, она личность высшей категории, уже не совсем человек, но и пока не энтроп. Класс «Вершина».

«Произошла»? Понимаю, что дальше адаптировать уже некуда. Упоминание про энтропа я услышал, конечно, но не подал вида, что это меня поразило. Причем тут энтропы? Вышел в коридор и пошел к пульту дежурного по этажу. Чеканя шаг.

Близнец: все внимание на нее! Она – твой ключ!

Да понял, понял. Дверь отворилась по ходу справа, некая лысая голова высунулась из блока, послышалось диско 1970-х...

- К нам, пжалста! - затараторила голова, захлебываясь от возбуждения, - и даже не возражайте, пжалста! Такого как у нас – нет нигде! Водка «Чувашская особая продвинутая», женщина на стадии перехода в новую реальность, ..мм, вчера заарканили, свежая, и чувашский же пшеничный хлебушек. Заметьте, с ежедневной доставкой из Новочебоксарска! Ну, пжалста!

Ну, пусть так и будет. С некоторых пор, с тех самых пор, когда я увидел, что могут Близнецы, и когда я понял, что эта космическая защита направлена на мою персону - я обнаглел до невозможности.

Меня нежно взяли под руку, шепнули: «отдохнете у нас душой и телом», и я вошел. В комнате блока приглушенный свет бра, на стуле в центре, спиной ко входу, сидит девушка в нижнем белье красного цвета (это она-то еще «не произошла»?!), со связанными за спиной руками, а в кресле читает газету близнец той лысой головы - точно такой же человек, такой же лысый.

- Интересно у вас, - сказал я, - очень!

Лысая голова номер один довольно осклабилась. Девушка сидела как в трансе. Руки ее были связаны странными свешивающимися шнурками, за спинкой стула, эти шнурки шевелились подобно змейкам. У меня еще мысль промелькнула: как же это лысый дядька может так спокойно читать газету, когда рядом сидит такая женщина, да с такими змейками.

Одним неуловимым движением она повернулась к нам лицом.

Ее глаза были налиты молочной белизной. Не может быть...

Не на белье и не на шнурки я теперь смотрел... глаза... откуда она здесь? Это же Сана! Моя Сана Абитова! Видно, что она не узнаёт меня или делает вид, что не узнаёт. То ли она в трансе каком-то, то ли пытается выйти из транса...

Не успел я присесть на предложенный мне стул, как в дверь без стука вошел уса́тый человек в серой униформе хозу. Толстый, неопрятный, небритый. И что-то началось. Лы-

сые головы как будто оживились, обменялись фразами:

- Лёха, это слесарь-сантехник.

- Уже скоро, Лёха...

Серая униформа нес в руках обрезок небольшой водопроводной трубы серого же цвета, мощный карабин соединял ее с ладонью серой немытой руки. Я уже где-то видел подобную трубу. Никто не выразил никакого удивления. Лёха второй все читал газету.

...на Сану я старался не смотреть, как не смотрят на человека, на которого смотреть неудобно, неприлично. Как и тогда, во времена нашего близкого знакомства, она оставалась красивой, миниатюрной брюнеткой, чуть за сорок. Восточная кровь, неопишуемая красота, совершенно правильные черты лица. И что-то в ней неуловимое – не от мира сего...на самом деле, на ней нижнее белье было, но казалась она совсем голой. Это была явно не та Сана, которую я когда-то знал, любил и хотел, чтобы она всегда была со мной.

Слесарь-сантехник стоял, шевеля усами, и пялился на нее. Чего пялишься, скотина! А она еще и ноги раздвинула, дура. Но нет, показалось, это она ногу на ногу закинула. Меня как холодом обдало: она могла мгновенно окутываться «туманом забвения» (термин подлинный, «Книга пяти углов», гл.2, стр.3476) и исчезать из поля видимости – буквально – из визуального спектра, и я мог бы поклясться, что успел заметить это! Кто еще это заметил? Никто. Это мог быть, конечно, трюк. Эта комната была явно смесью несколь-

ких пространственных наслоений. Здесь могло происходить колдовство, это было разлито в воздухе. Но пока только слесарь тихонько рычал, ворочая глазами и поглядывая то на меня, то на лысых мужиков. Странно. Зачем он здесь?

...и вот оно...если бы мы с Ирен знали, в чем оно. Когда делаешь неправильные поступки, все начинает идти не так. Сначала незаметно. Ты не знаешь, что процесс уже запущен. Но тебе все равно, подумаешь, соблазнил жену ближнего своего. Пусть и бывшую жену, пусть уже и не живущую с ним, пусть даже, что она была не против. Но ведь что главное?...удовольствие получил! Да? А что потом? – да как пойдет...а пойдет не так, и ты этого не поймешь, не успеешь уловить. Это уже случилось, вплелось в канву всеобщего хаоса. И в канву твоей жизни.

1.2

Ну, наконец-то! Я ведь знал, что это произойдет - Варыхан приперся! Ввалился в комнату и с порога загнусавил:

- Всем сидеть, чёртово семя! – и, слесарю:- Где моя труба, придурок!?

Его появление сопровождалось, как всегда, целым сонмом ароматов: от золотоордынского «Сарая» до туалетной воды «Старый Багдад»...да, но при этом Варыхан в костюме от «Большевички», пиджак на нем болтается, сорочка распахнута, без галстука, манжеты в красном соусе (или в крови?), и сбоку...то ли Ханума, то ли простой кухонный ножик.

Откормить его надо, только вот никак он бабу себе не может найти нормальную, чтобы откормила. А то все больше на сосисках живет с аджикой. Я и раньше удивлялся, как он меня находит. Но, оказывается, Варыхан и не ожидал меня встретить. Глаза его заметно округлились:

- Ты кто, господин хороший?! – сказал он своим, варыханным голосом, с немилосердным татарско-оренбургским акцентом, сильно отличавшимся от чувашского, к примеру. Я пропустил мимо это его «господин хороший». Мало ли, может, он с похмелья.

Слесарь в это время, так и не сказавши ни слова, как был – весь, целиком – разогнался и выпрыгнул головой вперед в окно комнатки блока. Я даже опомниться не успел! С верхо-туры зоны А упал! Человек за бортом!

Осколки стекла взорвали комнату, почему-то посыпались по сторонам, на пол, задели шею у читающего лысого мужика, кровь зафонтанировала тонкими струйками. Да они что тут, совсем охренели?! Варыхан, не удостоив вниманием слесаря, неспешно тащил из ножен нечто боевое и на вид грозное, наполняя помещение предвкушением запаха железа, еще большей крови, и потом он рубанул этим нечто по газете, которую все еще читал истекающий кровью лысый мужик, Лёха два. Тот дернул головой в недовольстве, но продолжал читать. Глаз его не было видно...но мне показалось...я даже нагнулся, чтобы посмотреть, но у него их вовсе не было, глаз-то! глазницы были наполнены глухим белым

туманом, как у Саны! Чур меня, чур!

Сану мурза словно и не замечал. Она заструилась, прямо в воздухе, и стул опустел...ее не стало на долгие несколько мгновений! Мне не показалось! Секунду назад сидела в красном нижнем белье, а появилась уже в черном! да она, что, ведьма!? Я уже не просто оторопел, а начинал впадать в состояние легкого шока. Но при этом, я вспомнил, что мне сказал Близнец: она личность высшей категории.

Варыхан тем временем прошел в прихожую блока, послышалось: «вместе мы и после смерти!», затем тупой чавкающий удар, и тут же голова Лёхи второго упала на пол, покатилась, оставляя кровавый след, к окну блока, подпрыгнула и вывалилась на улицу. Да в самом же деле! Чертова грань реальности! Варыхан совсем без берегов! Что с ним такое? Голова Лёхи первого, который меня пригласил, с ужасным треском сама отделилась от туловища, разбрызгивая во круг фонтанчики крови, устремилась вслед за головой второго Лёхи с сиплыми криками: «лёха! стой! Обожди, пжалста!», и тоже исчезла за окном.

К горлу подкатил ком. Задержал дыхание, быстро и на удивление надолго ...

«Сомнений нет, прошелестел Близнец, это парные личности». Да, они самые, мать их перемать, о которых я услышал пять минут назад. Тронешь одного, и со вторым произойдет то же что и с первым. Еще одно недоразумение смещенного времени...только зачем *мне* о них знать?

Но Варыхан-то, кабанья селезенка? Каков беспредельщик!!

1.3

...Варыхан смывал с сабли кровь в ванной. Его костюм тоже был местами в крови. Нос мурзы удовлетворенно свисел. Периодически он об него щелкал всей пятерней пальцев правой руки. На меня он не смотрел, и было непонятно – что с ним, он что, меня не узнал?

- Варыхан!

- Да, господин! – не поворачивая головы.

- Да какой я тебе господин? – спросил я, оглядываясь, не имеет ли он ввиду кого-нибудь еще, – ты что, пьян?

Он беспомощно на меня посмотрел:

- Не знаю, господин! Не понимаю! Я почти всегда пьян.

Да что такое! Я ему сейчас по морде дам. Но тут вдруг слышу «шёпот» Близнеца: «ну, чего ты растрываешься, он тебя не знает. В этом мире вы не знакомы. Дошло до тебя?».

Чего!?

«это другой мир, другая вселенная, все равно что тебе выйти из одной комнаты в другую». И все. Есть все же прелесть в нашем с Близнецом общении. Он быстро учится всему человеческому.

- Как может Варыхан меня не знать?! – я ему. - Мы знакомы с рабфака! (почти жалостливо).

Близнец молчит. Может, он не знает, что такое рабфак?

Все он знает. ...ну, хорошо, а куда делся тот мир, где Варых-ан меня знает?

И тут Близнеца вдруг прорывает, и он, монотонно и словно не слушая меня до этого: «я так тебе и не ответил на твои вопросы, которые ты задал несколько минут тому назад, извинение от меня. И вот сейчас я с ответом, в непринужденной стадии...

(у меня волосы на голове зашевелились, он явно впал в роботизированную меланхолию или поддался чарам смещенного времени, чего быть не может и не должно)

...итак, вот что это значит, - продолжал шелестеть Близнец, - в глобальном смысле...извини опять, пауза в работе, из созвездия 7264-Гамма Овса пришло сообщение...я должен послать ответ (некоторое время он молчал)...итак, это сделал Маятник. Он связан со всем живым в этом мире, мы творим историю, а он ее констатирует и поправляет...знаешь, по мне, так ваша планета – место несуразное. Ваше Время - все время движется вперед! На Рубку было наложено, как бы получше сказать...неземное Заклятие..., нет, не волшебство, просто была аварийная ситуация и Маятник применил нечто нестандартное, прием из физики других миров, ведь он спасал *ваши жизни*».

...я бы никогда в жизни не мог даже помыслить о возможности, что Близнец способен бредить! Но он словно действительно бредил наяву, даже его голос мне казался мечтательным. Я:

- Что еще за Маятник? (надо было повернуть куда угодно, и я зацепился за эту возможность).

«Маятник – учти, я все-таки адаптирую – некий бог энтропов, типа ваших богов, в общем, долго объяснять, скоро будет твое понимание. Маятник знал, как на людей действует радиация и он изменил Пространство, искривил Время, и вот ты уже в дубле другого мира, в безопасности и со мной».

!!!

«ничего про Ирен сообщить не могу, продолжает он, она не в этом дубле, милый мой человек...». Голос его в голове отдаляется, словно он уходит куда-то...

Такого потока слов я от него никогда не слышал. Говорят, что Маятник занимает целый 33-й этаж Странного здания, так называемый святой этаж. Говорят, что это Сущность чего-то или скорее, кого-то. Говорят, Его программы создаются в доли секунд...и вот я сейчас в дубле Главного здания, а Ирен может быть где угодно. И *когда* угодно. Но с ней тоже Близнец – часть артефакта, и это и хорошо, и плохо. Плохо потому, что она не может им управлять, он настроен только на тебя, Рен. А хорошо потому, что его легче будет найти энтропам...или нет?

Я вдруг поймал себя на том, что слушаю его и не слушаю одновременно. Что-то меня растревожило в его словах, что-то напрягло. Но что? Я все вспоминал ту самую фразу, каким-то чудом вырвавшуюся у Близнеца во время его монолога: «из созвездия 7264-Гамма Овса пришло сообще-

ние...надо ответить»...

И еще вот это: «она личность высшей категории, уже не человек, но и пока не энтроп»...пока не энтроп! Твою-то на лево да в подлесок с кустами!

Здесь ощущалось что-то важное, и я чувствовал - это было гораздо важнее всего, что я вообще услышал за все время от Близнеца и что произошло с нами за последние два дня.

От кого пришло сообщение из столь отдаленного созвездия?

Кому он должен был послать ответ?

1.4

...длинные-длинные облака плыли по пространству того дня, что начался знойным утром да так и не хотел никак заканчиваться, и терялись они в такой дали, что у Рена захватывало дух. Зыбкое марево каждую минуту теряло устойчивость, и начиналась свистопляска искажений, как на экране телевизора. Облака, видимые из окна, наплывали, их разрывало, и они вновь наплывали. Иногда облака эти корчили ему рожи. Стас Варыханов, в просторечии Варыхан, с Пашкой Евдомашкиным, вечным студентом, спали в углу комнаты блока на разных койках, Стас похрапывал и это, как ни странно, успокаивало и возвращало к реальности. На полу валялись пустые жестяные банки, а возле окна гордо стояли еще не тронутые, полные бутылки с пивом.

Ренат попытался сфотографировать облака своим новень-

ким ФЭД-3, с олимпийской символикой на корпусе. Фокус даже не намечался. Зато в противоположном от спящих ребят углу образовалась фиолетовая воронка, будто легкое сигарное облачко дыма, оно пульсировало и казалось, что внутри него проявляется то квадрат, то ромб, да еще и разных оттенков фиолетового цвета. Рен даже заподозрил, что из него выглядывает чья-то знакомая физиономия. Он невольно посмотрел на большой загнутый нос Стаса, на его толстые губы, но нет, это не его лицо было в облачке.

Это был просто набор штрихов и линий. Полная абстракция, да еще и говорящая. Ну, дела. Парни явно подсыпали в его тибетский чай что-то сильное. Они спят? На самом деле, они могут сейчас танцевать в труселях вокруг него, а чай... превратил реальность в сумбур и нелепицу...

- Ты ко мне обращаешься? – послышался голос абстракции, доносившийся будто с того света и словно очень простуженный. Рен невольно вздрогнул. – Оч-чень хорошо.

- Что? - сказал Рен, - и кто это? Пашка, это ты дурачишься?

- За кого меня принимаешь? – в голосе была обида. – Разве взгляд не есть обращение?

- какой еще взгляд! Кто здесь?

- домовой здесь, конечно, кто ж еще, едрит-твою-господа-в-триедино-бога-леса-душу-мать!

Это было сильно. Это была академическая выкладка, да еще с огоньком! Ну, подумалось, колбасит меня просто нере-

ально. Пашка все-таки подсыпал мне в чай глючной травки, настоящей на сале, и сейчас я в бреду от выпитого, а эти не спят, а смеются надо мной...хотя, домовой? Постой-ка...

- Ты в своем уме, - сказал голос, явно читая мысли, - ты не бредишь, и не пытайся дальше думать таким образом, а не то я...ну, скажем...так структурирую твои хотелки, что они будут к тебе по ночам приходить...или всколыхну дерево твоей пещеры...или заставлю тебя жрать собственное дерьмо. Хочешь? Нет? Выбирай тогда, и быстро! Я не шучу! Ладно, забыли...просто ты первый из людей, кто мне понравился...с тобой легко под одной крышей, у тебя аура светлая.

1.5

Дай вспомнить...я был с Ирен, да. Я был с ней, и с нами были Марат и Лена. Так...а здесь мы с Варыханом чужие. Он меня не знает. И что дальше?

Близнец: «а ты не помнишь? Это произошло всего 2 часа 4 минуты и 40 секунд назад! Пространство-Время вещь неустойчивая, частота его деформаций достигает невероятных значений, и вот на этом неустойчивом фоне ваша маленькая планета должна была завершить очередной круг. И не просто круг, но Круг, после которого некая автоматическая система на одном из никому неизвестных спутников отправляет некий импульс энтропам. Это был конец важного цикла для всей планеты и начало нового...»

Сказать, что я был озадачен, значит, не сказать ничего. Я

почти ничего не понял из сказанного. А он:

«сейчас ты в непростой ситуации, я призван помогать тебе и защищать тебя. Я для этого был *найден и осуществлен*. И мои способности ты уже видел, но это все мелочи. Хотя, здесь есть несоответствие: для меня легче погасить звезду, чем копать в мелочах и ежесекундно сверяться ради этого с источниками. Я давно не обновлялся. Жду обновления. Как только *встречу*, сразу обновлюсь. Или оно меня встретит. А пока, еще раз напоминаю тебе, никакой паники».

...я немного обалдел от этой его речи. Близнец сегодня как-то уж очень разговорчив. И все время он мигает! Правда, все равно мало что понятно, но важно то, что он рассказал о себе! Впервые за все время нашего знакомства! потом подумаю над его словами, сейчас надо разобраться в том, что произошло.

Близнец - продолжая: «...энтропия уже выходила из-под контроля, уровень радиации в тот момент оказался чудовищным, порядка...(пошли цифры). Маятнику пришлось почти сразу отправить всех вас из Рубки, в другие ячейки реальности, чтобы вы не погибли...»

Но откуда радиация?

«потому что ты медлил с решением, ты был зомбирован этими ино, они специально воздействовали на твой разум, они тебя дезинформировали, и пока ты шел к Рубке, путаясь в сомнениях, кое-что вышло из-под контроля, буквально в те же минуты. Это было около часа ночи, ты устал, а на Чер-

нобыльской атомной электростанции взорвался энергоблок реактора. Ужасная механика! Дикая допотопность! Как раз – недостающая порция неуправляемой энергии, и практически под рукой».

Чернобыль!? Это где?

«Маятник корабля искал любой открытый выброс энергии, чтобы как-то уравновесить большое значение энтропии, ему и попался этот взрыв реактора. Не забывай, я упрощаю для тебя, чтобы ты быстро понимал. На самом деле, у вас на планете залежи энергии, ее не надо вырабатывать, ее можно прямо из воздуха брать, но вы не умеете...а мы не можем нарушать ваш энергетический фон. Маятнику пришлось создать пространственное Окно, и некоторое время (небольшое, порядка 25 секунд) перенаправлять энергию с взорвавшегося энергоблока станции сюда, в накопители Рубки. Иначе взрыв поглотил бы половину континента, и все живое на второй его половине было бы уничтожено. Так вот, в этот момент вы и вошли в Рубку, с открытым пространственным окном над радиоактивным реактором! Окно пришлось быстро закрыть, а вас телепортировать».

Твою ж дивизию!..о, нет! Так мы с ребятами целую минуту были, считай, прямо на этой станции в момент взрыва реактора!? И мне припомнилось...ночное небо, заглядывающее в машинный зал через огромную дыру вверх, красные сполохи пламени пожара, где-то совсем близко, жара как в

печке, ряд огромных старинных пультов управления, большие старинные экраны...

«Это случайность. Никто не знал, когда наступит час X, момент для равновесия системы физики вашего мира, его нельзя было определить точно. Плюс попытки ино зачем-то проникнуть в Корабль, используя ситуацию с похищением Стража, проникнуть, используя тебя, и все это привело к сбою пульта управления».

Ино!?

«да».

Вот же козлы! Я всегда считал их друзьями!

«это слишком эмоционально...или мне кажется? Спокойнее...ты и Ирен исчезли из Рубки Шпиля и были телепортированы – каждый - в разные дубли не только во Времени, но и в точки пространства вселенной. Маятник вынужден был это сделать, чтобы не навредить вам. Это все».

Момент просветления не обрадовал...

Да чтоб вас, и энтропов, и этих долбанных ино! Что вы наделали! Жили мы спокойно на нашей планетке, в космической глухомани, жили, не тужили, а вы приперлись и все тут перемешали.

«мы не приперлись, - Близнец, как мне показалось, немного печально, - если бы ты знал реальную причину зарождения...нет, возникновения человеческой цивилизации...но у меня на этот счет – полный запрет в выдаче информации.»

Запрет? Ладно, ничего. Я тебя еще разговорю! Но что нам

теперь делать?

Что *мне* делать?

И прежде всего – где моя Ирен!?

Близнец долго молчал. С каждой уходящей секундой его молчания начинала все быстрее испаряться моя надежда на хороший ответ...но он и так уже много сказал на сегодня. Мне это переваривать и домысливать, походу, на подкорке.

И, наконец:

«твоя Ирен недостижима. А мои функции немного ограничены. Совершенно точно, что здесь, в этом куске мира, ее нет: я бы проследил ее цифровой код. К сожалению, внешние цифровые коды вселенского Времени я отследить не могу, у меня просто нет нужных протоколов. Но ее уже ищут энтропии, Создатели. Недопустимо, когда потеряна часть высшего артефакта, не правда ли?».

Цифровой код?

Близнец: «Не забивай голову, если чего не понимаешь. Представь себе, мало того, что дублей этих бесконечно много, они еще и закреплены – каждый - в своих каплях Времени».

Нет, мне это было непонятно. Но сколько же дублей, ты говоришь, что их много, спросил я, вдруг мгновенно ощутив некое безотчетное беспокойство.

«вспомни любую пустыню, - монотонно бубнит в голове Близнец, словно выпуск новостей на радио, - в самом ее начале, и каждая песчинка – это целый мир, со своими закона-

ми. Эти миры всегда разные. Порой это совершенно пустые миры, как пустые комнаты. Порой это сложные миры, но они всегда с искаженными физическими законами и смещенным временем – для тебя там все криво, потому что ты тоже из кривого мира, про цифровой код давай потом, когда созреешь»...

Он еще что-то говорил, а меня унесло, туда, на край пустыни, и впереди была тысяча километров песка...и каждая песчинка – это целый мир...вот собрались тучи и пошел дождик...нет, погоди, в пустыне же не бывает дождей...но в этой пустыне пошел...и каждая капля принадлежала каждой песчинке...всемогущие боги!

Немыслимо. Непостижимо. Чудовищно.

Как вообще можно представить себе такое количество миров? Как обозначить такие цифры? Семь в десятой степени тут не подходит. Человеческий разум вряд ли может все это переварить, осознать. Как и то, что вселенная бесконечна во времени, но конечна в пространстве – несмотря на все выдумки теоретиков.

Видимо, все напрасно, перед подобным величием Мироздания, перед такой его непомерной мощью я впервые осознал, насколько я *мизерен*.

Ничтожен. Да я ноль без палочки!

Мы с Ирен, похоже, потеряны друг для друга навсегда.

...вернувшись из своих невеселых мыслей, я еще успел услышать последние слова Близнеца: «...сигнал посылается

автоматически. Все цифровые коды остаются на некой матрице, расположение которой знают только Они... Они всегда где-то поблизости, во Времени, а сейчас и я, и мои Создатели заинтересованы в том, чтобы найти второго меня, ведь мы одно целое, и мы творим доброе и вечное только так, в паре...»

Ну-ка, ну-ка! – оживился я.

Луч света забрезжил в непроглядной, казалось бы, тьме. Что ж, получается, что я правильно сделал тогда, что отдал вдруг Ирен одного из Близнецов! Это было неосознанное, инстинктивное действие, когда за доли секунды приходит потребность и руки сами собой делают – что-то.

А Близнец продолжал: «...артефакты энтропов, моих Создателей, не могут долго функционировать вне смещенных основ Времени. Это не дубликаты. Это аутентичные творения»...

Та-ак!

«каждый из таких артефактов следует четко заложенной в нем программе на случай форс-мажора».

И?

Близнец рассказал об основах деятельности своих коллег. Да, артефакты энтропов были редкими, каждый был единственным в своем роде, каждый был уникальным, и каждый отвечал за определенный мир – во Времени, и, оказывается, я для него тоже был миром...

...он передавал мне совершенно обыденную – для него

– информацию. Он просто делился ею. Всей, без утайки. В него не были заложены стандартные запреты по поводу, скажем, неких государственных тайн. Мы так не умеем, человек – существо закрытое, угнетенное наличием мозга, извращающего любую хорошую идею, и потому опасное в своем стремлении обладать информацией, во что бы то ни стало – везде и всегда.

...и какая программа заложена в вас, Близнецах?

«тебе это не понравится».

Мне не удалось преодолеть инстинкт, я глянул невольно на браслет у меня на руке и почувствовал страх, моментальный и быстрый. Я-то считаю, что Он друг мне, больше чем друг, он мне как брат стал...но я всего лишь человек.

А он...адская машинка, произведенная неведомо где и неведомо кем. Как ни крути, робот в нашем, людском понимании.

Что же, говорю, ты сделаешь, когда у тебя там щелкнет?

«наша программа проста, - докладывает Близнец, не обращая внимания на мои последние слова, - мы обнулим Время в пределах одного парсека от вашего Солнца, это создаст зону изоляции, придут энтропы, и тогда поиски моего близнеца произойдут гораздо быстрее. Обратный отсчет включился в момент моего разделения, протоколы были запущены сразу».

Что?..

Твою-то дивизию...я же забыл, совсем из головы вылете-

ло. Эти, невинные на первый взгляд, браслеты – так называемые галактические часы! Профессор Али об этом говорил. Это невероятно сложные, нет, не механизмы, а что-то органичное с самой вселенной, ею порожденное, теми ее глубинами, куда нога человека никогда не ступит. И еще он говорил, что нарушать их равновесие, снимать их - нельзя ни при каких обстоятельствах. Или это не он говорил? Неважно.

Галактические часы! Я еще тогда поражался нелепости такого словосочетания. Но от Стража я недавно узнал и другое, альтернативное название Блинецов: Вечные Системы Управления Жизнью. И вот теперь...да это же...

Какое там управление жизнью! уничтожение части Вселенной, вот как бы я, человек, назвал такой аварийный протокол. И я, дурак недоделанный, ради спасения Ирен подвергаю сейчас опасности гибели...получается, всю Солнечную систему?

И все человечество?

это из-за одного-единственного моего движения, когда я взял и снял с руки этот чертов браслет!? Я же не знал тогда, что часы отсчета судного дня сразу затикают! Мне никто не сказал, меня никто...не предупредил. Подумаешь, была какая-то фраза во время пьянки...не придавал значения...и все это...

что...из-за одной-единственной женщины...

или?

Впрочем, что такое для Вселенной какая-то звезда спек-

трально класса С и ее система со всеми обитателями – почти ничто, всего песчинка в бескрайней пустыне...

Близнец замолчал. Близнец, дружище, а ты можешь так сделать, чтобы твои создатели пришли раньше, ну, ...до момента, когда там у тебя щелкнет?

...и он ответил...

...и лучше бы я не спрашивал...

1.6

...в дверь постучали. Рен, занимаясь возле окна поливкой фикуса под Set me free группы The Sweet, разрешил войти. За окном имел место почти ливень. На крик Рена просунулась голова человека в шляпе. Он улыбнулся, втиснулся в блок и вдруг, резко и ловко выхватил и с ходу наставил на Рена нечто, напоминающее обрезок водопроводной трубы.

- Вы позволите? – спросил человек в шляпе. От его голоса кассета в магнитофоне почему-то остановилась...повисла оглушенная тишина.

- Ты чего, мужик! – развел руками Рен.

- Тихо, тихо! У меня двойное задание: либо убить вас, либо ограбить, - отвечал человек в шляпе. А, понятно. Смещенное время продолжает рождать и посылать в пространство свои нелепые «изделия», действия и поступки которых не поддаются никакой логике. Напрягшийся было Рен перевел дыхание. Задание у него, видишь ли. Но, чтобы придурак не выстрелил из своей штуковины (мало ли, может,

это и правда оружие), надо быть с ним повежливее. Он поставил лейку с водой на подоконник.

- Грабь, сволота! – улыбнулся, сделав приглашающий жест, – чего уж там!

Человек снял шляпу и стал прямо в нее складывать подряд все предметы, что были в комнате. Рен с удивлением обнаружил, что в шляпу поместились уже и телевизор с комодом, и очередь была за шкафом с одеждой. У него как-то легко все получалось: дотронется до сковородки, сделает знак средним пальцем вверх, и предмет сам уменьшается и падает в шляпу. Да он так и любимую магнитолу сейчас «пришляпит»!

Наконец, помещение было очищено и уже незнакомец собирался надеть эту волшебную шляпу, но вдруг сказал:

- Вы знаете, теперь задание мое только что изменилось: мне надо убить вас. Простите, в этом нет ничего личного. Я обязательно приду на ваши похороны.

- Слушай, мужик...

- Тихо, тихо!

Рен улыбнулся. Он во все глаза рассматривал один из феноменов смещенного времени, запоминал каждую деталь встречи, каждое слово и даже старался запомнить интонации голоса. Мало ли, вдруг потом пригодится.

У человека в шляпе было обычное, стандартное лицо, его невозможно было бы отличить от сотен таких же лиц в толпе. Одним словом, лицо было как лицо. Не морда и не ха-

ря. Серые глаза, светлые волосы. Губы тонкие. Обычное телосложение. Человек не привык удивляться или сердиться – маска невозмутимости почти космических масштабов.

Труба в руке этого порождения хаоса нацелилась в голову Рена и палец лег на некий спусковой механизм.

Рен знал, что сейчас произойдет, но не отказал себе в удовольствии еще раз увидеть. Домовой Лёха очень любил Рена и всячески ублажал его, как то: никогда не брал вещи поиграть, не крал трусы и сигареты, заставлял тараканов убираться ко всем чертям, и всегда тщательно сторожил жилище, как и подобает истинному домовому.

Прежде чем грабитель успел что-либо сделать, из его же шляпы высунулись две руки с неопределенным количеством пальцев, схватили за голову и встряхнули. Произошло все за несколько мгновений. Позвонки хрустнули, труба не успела упасть, ее подхватил жуткий вытянувшийся палец, тело обмякло и осело на пол. Маска невозмутимости не успела измениться.

Вещи с ужасающей, нечеловеческой быстротой вернулись на свои места – словно один бесшумный вихрь пролетел. Руки домового еще раз высунулись из шляпы, втянули внутрь бесчувственное тело грабителя, и шляпа исчезла под потолком.

Рен посмотрел вверх:

- Я в долгу перед великим и справедливым Хранителем Дома! Быстро ты разобрался с его пространственной систе-

мой!

- Ты честен и умен, - послышался в ответ утробный бас, - твои поступки – поступки мужика. Ты любишь хорошее пойло и баб. И что, я мог позволить этому недоноску лишить тебя всего этого?

...а насчет его системы, - продолжал домовый задумчиво, - так ведь примитив. Полная шлаебень!

И он гулко расхохотался, весьма довольный крепким словом, услышанным как-то от Рена, но внезапно резко смолк. В блок вбежал Стас Варыханов с огромным перочинным ножичком. Он быстро окинул взглядом помещение.

- что здесь было? – спросил он, странно ворочая глазищами по сторонам и дыша перегаром, - ты чего ржал?

- о, здесь произошла пространственно-временная смерть от собственной глупости, - сказал Рен, – двойное задание с одним исходом. Короче, одним «изделием» из смещенного времени стало меньше.

Стас сразу все понял, приоткрыл рот и залился сухим лаем. Но мне не до смеха, подумал про себя Ренат. Смещенное время преподносит все новые сюрпризы. Вот и сейчас, шляпа была не шляпа, а что-то наподобие «пространственного уплотнителя материи». Ново? Для нас - еще как! А кто был этот человек? И человек ли это был вообще?

Потом попрошу домового Лёху отдать мне эту шляпу, подумал Рен. Не факт, что дело выгорит. Все домовые жадные, даже самые добрые из них.

И тут...

Мне, наверное, опять померещилось. Дело в том, что у Саны неожиданно голова начала как бы идти волнами, похожими на помехи во время телеэфира, во лбу «загорелась» звезда, и она басовито этак сказала:

- Я Сана, дочь царя Леонида. Спасибо, что освободили меня и...Вот только... - Она глянула на себя. – Не пойду же я в таком виде! Освободите мне руки, парни!

Даже мурза, чувствуется, был шокирован. Женщина, стесняющаяся выйти в нижнем белье в коридор! Смещенное время сейчас такое с людьми творит, что многие, не задумываясь, выходят нагишом и в коридор, и на улицу, и такое вытворяют, и никто ни на кого не обращает внимания. Явно эта Сана не из здешних Времен. Да еще с такой звездой!

Она, похоже, была довольна произведенным впечатлением.

- Я не из тех, о ком вы думаете. Нас пока немного таких...со звездами.

-Так вы же не из Странного здания! - понял Варыхан. - О, простите! И спрячьте свою звезду, а то патрули могут вас не так понять!

Девушка промолчала. Видимо, она не могла спрятать свою звезду. Может, она у нее при определенных обстоятельствах начинает светить? Варыхан вытащил засапожный

нож и разрезал шнурки, связывавшие девушке руки. Шнурки плавно сложились и обволокли запястье той руки Варыхана, что держала нож. Он слегка удивился, затем, не глядя на девушку, поспешно сорвал занавеску с окна и протянул ей, потупив глаза и чуть ли не на коленях. Вот прихвостень! Только Сана успела сказать, что дочь царя, и этот уже работает!

Сана приняла занавеску как должное, начала в нее заворачиваться, попутно морщась и чихая от пыли. Я успел заметить часть знакомого тела и только на секунду. Тут Варыхан вспомнил о слесаре, побежал к окну, высунулся с 12-го этажа, но поздно. Каким-то образом того и след простыл. Он еще какое-то время высматривал упавшего, шевелил губами, двигал носом, сжимал рукоять своей сабли... я не стал выглядывать, мимолетно подумав: правда, куда мог так быстро деться труп человека, упавшего с 12-го этажа?

А еще мне в голову как стукнуло: погоди, мил друг, она сказала, что дочь царя Леонида. Какого еще царя? Да еще Леонида! Близнец, кто она такая? Ты же сказал: все внимание на нее, она личность высшей категории. Я ведь ее знаю... очень хорошо знаю...

Близнец хихикает! Я растерялся, совершенно не ожидая от него такой суперчеловеческой эмоции.

«об этом потом. Уходите. Идите строго туда, куда она скажет».

- Пора уходить. Варыхан, ты впереди. Сана, - я сделал при-

глашающий жест, - ты за ним, показывай путь...куда нам, а я следом.

Она, как могла, завернулась в занавеску, искоса на меня посмотрев, при этом визуально «прыгая» из одного состояния в другое. *Была Сана жгучей блондинкой небольшого роста, буфера на месте, корма зачетная, на лицо очень и очень приятная телка...*

...я - Близнецу: слушай, ты что, прикалываешься надо мной? Чьи это определения, не Варыхана ли? Что еще за «буфера»! что еще за «телка»!

Близнец – как мне показалось – немного смущенно:
«приношу извинения. Мысли не Варыхана и не твои».

Соседа по блоку, что ли?

«и не его. Это остался шлейф от слесаря».

А! он был дальтоником?

«почему?»

Так она же брюнетка.

1.8

В коридоре попадались немногие прохожие, они посматривали на Сану, мягко говоря, с удивлением. Но никого не смутил татарский мурза в костюме и с саблей наголо. Проходящие лишь отворачивались, кто-то зажимал нос. Я все посматривал на девушку, на ее живую походку, непринужденную, как и всегда...она, несомненно, узнала меня. Но почему-то вела себя так, будто в сомнении: можно ли открыться

при посторонних?

Мы благополучно добрались до ближайшего Лифта, маршрут которого был проложен по техническому каналу в сторону зоны Г. Это я успел увидеть на таблице-схеме, висящей над дверью. Людей в кабину набилось, как сельдей в бочке, и все в одинаковых оранжевых штанах и галстуках с нарисованными презервативами, и все одинаково маленького, почти гномьего, роста. Ни Варыхана, ни Сану они не заинтересовали. А мне они показались смешными. Или это куда-то направляется некая массовка? Мало ли.

Черт, неужели это и вправду – другой мир? Я поймал себя на мысли, что жадно вглядываюсь в каждую его деталь. Стараюсь поймать малейшие нюансы его звуков и поведения людей в нем. Коридоры ГЗ в этом мире ничем не отличались, они были точно такими же, только здесь тикало сплошное смещенное время, и это чувствовалось, это невольно напрягало, понемногу, шаг за шагом...

Вышли мы на одном из сумеречных этажей, это оказалась вьетнамская торговая зона. Здесь нам еще предстояло добраться до другого лифта, в сектор Г, путь шел через довольно странные места. Варыхан, тот двигался привычно наготове, держа правую руку на рукояти сабли с причудливым прозвищем Крик Душмана. А ведь смутно помнится, у него было что-то совсем другое. Его многие, очевидно, знали здесь, и потому никто не посмел дернуться – ни одна живая душа.

Вьетнамская торговая зона пульсировала и переливалась

всеми возможными цветами ночной жизни. Шумно и людно было здесь. На каждом шагу орали забегаловки, изящно гремели микродискотеки, надрывались от криков какие-то комариные и тараканьи тотализаторы. В такой толпе, как здесь, легко было затеряться, но и так же легко можно было невзначай получить удар ножичком в бок. Или укольчик - отравленной иглой. Легкая вероятность всего этого прямо-таки была разлита в этом шумном, душном, сумрачном мирке. Лица людей, что окружали нас, были по большей части озабоченными, хмурыми, даже злыми.

Пару раз к Варыхану внезапно подходили. Тогда он сильнее сжимал рукоять сабли. С ним тихо о чем-то говорили, он каждый раз кивал в мою сторону, личности смотрели на меня, на девушку, потом кивали Варыхану и уходили.

Вот и последняя пересадка, вот и потайной лифт, уже прямо в профессорскую зону, что рядом с зоной Г... Варыхан открывает совершенно неприметный люк, в нише темного коридора, туда приходится буквально заползать, согнувшись пополам.

Прибывшая кабина издавала совсем не механические звуки, она была почти бесшумной, если не считать странного шипения. Вроде бы, лифт как лифт. Но его шторы, не двери, а именно шторы разошлись в разные стороны с чавканьем жующего животного. Уже было мы зашли, уже Варыхан было ногу занес, но мне вдруг «шепнули»... Стоп, что-то здесь не так.

- Мурза! - тон моего голоса остановил его. – Стой! Проверь сначала!

Варыхан глянул на меня краем глаза недовольно, но вытащил из кармана штанов недоеденную шаверму и кинул в кабину лифта. Шторки моментально закрылись, внутри, за ними, задвигались с причмокиванием невидимые челюсти. Этот Лифт, что, жевал свое содержимое!?

У меня все похолодело внутри...Сана, после того, как Лифт смачно рыгнул:

- Какой он смешной! - и улыбка умиления на лице девушки.

- Смешной? - у меня отвисает челюсть до пола. - Сана, ты хочешь сказать, что уже видела такие Лифты?

Она утвердительно кивает головой. Глаза ее просто брызжут весельем.

- я и людей таких встречала!

У Саны красивое лицо, густые темные волосы, бездонные карие глаза...да что со мной? Я ведь ее знаю, и знаю давно! Ну да, ты ее знаешь. А может быть...я ее узнаю, и в одном из вариантов *Будущего Прошлого* у нас с ней что-то было! Все это пронеслось за какие-то мгновения, и вспыхнувшая в ее лбу Звезда погасла... Но как это все возможно?

Варыхан берется было за свой кусок железа.

- Погодите! - говорит девушка. - Не надо. Он же просто голоден! Как вы не понимаете? Я знаю, когда кто-то голоден и хочет кушать.

- откуда вы знаете? – осторожно спрашивает Варыхан.

- я су-шеф! – отвечает она.

Фу, ты, дьявол! Я, наверное, действительно не понимаю таких вещей. И действительно очень напряжен. Никакой, как говорится, пролетарской романтики. Варыхан:

- дорогая Сана! Вы хотите сказать, что нас бы он не прожевал?

- да ни в коем случае! – плотнее завернулась в свою занавеску Сана, - вы большие! Вы добрые!

Это Варыхан-то добрый?! Ну, где-то в глубине души – да. Что тут скажешь? У меня перед глазами как живая, картинка из настоящей жизни, когда или большое воображение, или смещенное время так надругались над реальностью в том самом лифте, где мы с Ирен держали друг друга в объятиях, где я ощущал тепло ее рук...в лифте, чуть не разорвавшем нас на куски...нет, не хочу. Не надо. И в эту кабину я не зайду, хоть убейте меня два раза.

1.9

...показалось, что кто-то крадется возле пульта дежурного по этажу. Рен поднял взгляд, в полумрак коридора. Смещенное время усилилось, рябь в воздухе густая и переливчатая. Надо закрыть большую кухню этажа, уже почти полночь. И в полночь – это происходит во всех секторах Главного здания. Почему именно в полночь, а не позже или раньше, не знает никто. Так положено. Положено, а не поставлено. На

редкость идиотское понятие – *положено*. Ладно, Рен выдерживает минут десять и идет закрывать, бряцая связкой ключей. Обычно, это бряцание, этот железный лязг очень многие аспиранты слышат и довольно шустро выбегают из блоков, имея реально последний шанс вскипятить воду или даже сварить пару сосисок на ночь. Как всегда, на кухне при его, Рена, появлении врассыпную кидается кучка тараканов. ...!! и вонь страшная. Десять минут прошли. На звук последнего призыва никто не вышел. Быстрее – надо закрыть и возвращаться к пульту управления этажом.

Рен уже и лампу спрятал, и постелил...но, как всегда, идет ночная тень - запоздалый аспирантишко с чайником.

- Ой, а вы уже закрыли...да что же это...
- Да! Закрыто! Я же сигналил!
- да мне там не слышно...мне на минуточку...
- Пошли вы все куда под вечер! Когда уже запомните, что великое управление общежитий в лице товарища Ворибичева не волнует, что вы прощелкали и в полпервого ночи решились попить чаю!...ладно, давай, только пулей!

Ботаник бежит как ошпаренная крыса, виляя бедрами, из чайника льется. Пока чайник греется на бешеном огне, ночной бродяга угощает Рена сигаретой, и они курят прямо на кухне, открыв настежь окнище. Парень оказался нормальный, зря я его так, подумалось Рену, он перся из другого конца этажа, ну да, будет теперь знать, как я милостив...

Минут через пять из другого конца коридора появляется

симпатичная мулатка Атика, в легком спортивном костюме-чике. У нее в руках кофейник. Да что они, взбесились?!

- Ой, ну-е@-же-твою-мать, что, не успела?! А который час?

Ладно, Атика – это совсем другое дело. У нее есть вагина, что важнее многих социальных устоев. Стараясь не особо греметь ключом, и ощущая, насколько плотна в этот час концентрация смещенного времени, Рен открывает ей дверь кухни. Она ставит кипятить кофейник. Кофе в полночь? Да, тяжела жизнь аспиранта в Советской стране. Пока закипает, Рен решительно берет ее за руку и заводит в будку для переодевания. Сердце бешено колотится от того, что он хочет ей предложить. Ну, точно, прям как в детском саду. Она молчит и только смотрит, впрочем, смотрит с некоторой долей любопытства. И ведь не сопротивляется! Это либо от неожиданности, либо от шока. Нет, там неудобно, в будке, тесно. Час поздний, все одно никого нет. Можно и на диване дежурного. Он усаживает ее на диван...на огромный черный диван...на черный-пре-черный огромный пре-огромный диван-пре-диван, и делает так, чтобы ее рука могла залезть к нему...черт, к нему в штаны, но при этом чтобы смогла быстро убрать руку, в случае появления какого-нибудь ночного прикурка или того хуже – проверяющего с первого этажа, а сегодня это редкостный мудозвон Эдик. Атика оглядывается. Она, забыв обо всем, возбужденная таким неожиданным поворотом событий, с удовольствием мнет в руке его панур-

га. Рен мощно пикирует от ее нежных пальчиков с изящным маникюром. Все происходит буквально за пару-тройку минут... Она просит салфетки для рук. Ну, где же он в полночь найдет ей салфетки? Может быть, поцеловать ее? Нет, как-то неудобно, тогда она будет надеяться на продолжение банкета, а это не входит в его планы. В его планах – любовь с ней, частые и долгие встречи, прогулки, поцелуи при луне...

- Ну, а теперь – спать, дорогая! Сладких снов! Завтра приду, разбужу!

- А кофе? – протестует девушка, – мне еще работать!

- Бля-ха-му-ха! – он же совсем забыл. Бегом на кухню. Кофейник наполовину выкипел, пока прекрасная Атика делала свое дело.

- эххеля ку меххеля! – говорит Атика непонятно. – элифаирабтизак!

- что, детка? – говорит Рен, - кутак? Это потом, детка! Может, легкий куни?

Но она уходит, с полупустым кофейником, объяснив, что у нее «дела». Но ей понравилось? Да сто процентов.

Рен ложится спать прямо на диван, уткнувшись лицом в его старую ароматную кожу, и представляя, как он потом так же уткнется в лоно Атики. Спокойной ночи, дорогая, думает он, засыпая, уже поздно, пора спать. Когда кончатся твои красные праздники, я тебе сделаю такой куни, что луна от зависти повернется к нам своей темной стороной...

За плечо кто-то потрепал. Рен, сонно:

- детка, ну давай же завтра...

Тут же плечо сжали очень крепко. Рен поднял голову.

- Я закрыл! Я сплю!

Стас, почему-то одетый в костюм, с саблей, тормозил его за плечо. Красивая темноволосая девушка в какой-то хламиде – молча смотрела. И странно знакомый парень, брюки которого... черт, вот это сон...но тут же Рен мощно проснулся, захолонув немного от неожиданности.

Перед ним стоял...он сам! Или, во всяком случае, точная копия его самого!

- э! что за фигня!

Но ночные гости ночного этажа не исчезали. Это был не сон. Они были реальны. Девушка – его двойнику:

- Знакомьтесь! Ренат – это Ренат. Ренат, и это – Ренат, но только он Рен.

Стас в костюме внезапно отошел от Рена, узнав его, посмотрел на девушку с явным страхом:

- все столбы ада! Какого шайтана тут происходит?

Девушка не ответила ему, она с нежностью смотрела на Рена:

- Вот мы и встретились...дорогой!

Рен посмотрел на нее внимательно. Господь-вседержитель...Сана? Моя Сана? Но как?!

Девушка вдруг скинула с себя занавеску...на ней оставалось лишь нижнее белье, но все непроизвольно отвернулись.

- Ты ведь узнаёшь меня? – сказала она. Да, это была она.

Это была Сана, властительница дум. Сана, потрошительница его сердца. Сана, один голос которой сводил с ума. Его Сана. Подожди, а что это? Что это за звезда зажглась на ее лбу... она просто подошла к нему, села на колени и обняла. От такой неожиданности Рен закрыл глаза... вновь почувствовать эту красоту, ощутить аромат ее густых волос...невероятно...

Ведь она уехала тогда в Лондон. Она исчезла из его жизни так внезапно, так бесповоротно, так по-английски, что, несмотря на все это, или, может быть, как раз благодаря этому, он так и не смог ни разлюбить, ни забыть ее. Он скучал. Даже искал ее. Но...она оказалась сильнее. Она смогла первой оборвать нить. Женщины, черт их дери, в этом смысле намного сильнее мужиков.

Случайно коснувшись рукой ее щеки, Рен будто обжегся об мокрое.

- прости меня, - говорила она тихо, отчаянно пытаясь, видимо, сдержать слезы, - прости меня...я поступила с тобой плохо...прости, милый мой медвежонок...

Совершенно обалдевший Варыхан отошел к окну холла, продолжая наблюдать оттуда, а я...я уже начинал понимать, что происходит. Близнец, пока Сана плакала на плече моего двойника, вкратце обрисовал ситуацию. Ничего себе!

Сана, однако, на глазах преображалась. Для начала она на секундочку исчезла и вернулась, одетая в кожаные красные брюки с красным же кожаным пиджаком. Волосы – од-

ним движением в хвост, а насчет макияжа и грима я даже не успел ничего заметить, пока она не обернулась к нашим изумленным рожам. Хороша! Восточные бабы – это нечто. Мой двойник, чувствуется, сам обалдел от всего увиденного. Варыхан, как стоял столбом возле темного ночного окна, да так и остался.

На миг... всего на миг мне показалось, что я увидел Сану глазами Рена-2. Да это колдовство какое-то... мне показалось или нет, что мы вот-вот познакомимся. И кафешка на Цветном бульваре всплыла в воспоминаниях... и ее сестра, и армянин, директор кафе, и ее обрадованный голос-колокольчик, и как я взял вкусный плов, и лепешки, а ее глаза, лучистые темные глаза, сияли, она тогда все время улыбалась... и сразу - судьба ее сына, Ушбахджона, и ее судьба из-за сына. Сколько всего было, и ведь могло же быть все по-другому...

Это было сейчас что? Чьи воспоминания? Близнец! Нет, не говори ничего, потом... сам потом разберусь.

Сана:

- Нам пора идти.

Помня наставления Близнеца, я молча за ней последовал. Мой двойник Рен тоже. Часы на этаже показывали что-то около двух пополудни. Мне становилось от всего происходящего не по себе. Что еще должно произойти? Куда мы направляемся и какие еще сюрпризы нам ожидать?

Близнец: «внимание! С этого момента – аккуратнее. Мы

приближаемся к месту, которое есть в каждом дубле реальности, там я не смогу помочь, у меня тоже есть запрещающие протоколы».

То-есть!?

«Она – это нечто цельное из вашей жизни, она Предел Правды для каждого из вас во плоти, и эта Правда - ваша защита».

И он замолчал, лишь оставил на своем циферблате теплый зеленый огонек. Ненавижу, когда он так говорит и замолкает!

Я настолько привык к высшей степени Защиты, что просто отмахнулся даже от самой мысли, что Близнец не сможет помочь в нужный момент.

Сана привела нас к дежурному блоку. В коридоре почти не было освещения, это был тупик, это был тот самый 905-й блок, в котором... Варыхану разрешили зайти первым. Он привычно потянул саблю, но Сана остановила его руку. Он вошел. И почти сразу выскочил назад, бледный и чем-то шокированный. Суеверный он все-таки, до ужаса.

Откуда взялась девушка моего двойника, еще можно было понять, это сложные проделки в смещенном Времени сил, контролируемых Близнецом. Каждый дубль реальности «разрешает» Близнецу использовать на выбор один квант пространства-времени, и этот квант становится настолько «большим», что с ним можно делать все, что угодно. Таковы негласные правила некой игры мироздания, установ-

ленные здесь, для нас, энтропиями – Создателями. Но в том, к чему мы приблизились, протоколы Близнеца непонятно как блокируются (он утверждает, что дистанционно, но это бред, фантастика, не верю!), до некоего момента, который распознается его великим вселенским мозгом как критический...и тогда протоколы вновь вступают в силу, подверженные определенному символу, слову, действию.

Но вот откуда здесь взялся второй я?! Вполне возможно, конечно, что это меня можно назвать вторым...да пофигу.

- Варыхан! – позвал я.

- да, господин! – автоматически отозвался он.

- еще раз назовешь меня господином, - говорю, - получишь по морде, понял! Что там?

Варыхан ничего не ответил. Я все забываю, что мы с ним чужие...А, да пёс с ним! Я просто взял и вошел. При моем появлении, с кровати глянул сонными глазами...эпическая сила! Мурашки по спине, мгновенно...да что тут творится-то! Оглянувшись, я убедился – Варыхан стоит перед дверью блока. Но на кровати тоже...сидит он, только в белой футболке и труселях в горошек.

- Варыхан! – говорю встающему с кровати двойнику. Тот, увидев протискивающегося в блок Рена, побледнел еще больше...

- что за ерунда! – бормочет он, словно увидел смертельно опасного призрака и затравленно озираясь на нас. Да, это был обычный паренек, скорее всего, более молодой двойник

Варыхана...но...похожи как две капли воды...

Смотрю в упор на Сану. В ее глазах непонятный огонь, в них застыло выражение некой тоски и счастья одновременно. Голос-колокольчик...и это после всяческих унижений от мужа, за то, что родила ему мальчика; за то, что мучилась при родах; и просто за то, что ты женщина, ты должна, ты обязана, ты женщина...но ты все равно радовалась жизни, и твой голос-колокольчик звенел счастьем, потому что впереди столько хорошего, мужа прогнала, как несносную тварь, а малыш растет, и родня помогает, вот и сестра родная пристроила на работу в кафе на Цветном бульваре...здесь Москва, здесь всё другое, и люди здесь другие...и этот мужчина, он тоже другой, высокий, сильный, с открытыми счастью глазами, и она чувствует, что нравится ему...и от того еще сильнее звучит ее голос-колокольчик, и глаза лучатся радостью...

- Варыхан - я! – вдруг слышу сбоку, – Я Стас Варыханов! Но для своих – Варыхан! Рен, это кто? Ты про брата не говорил...

- это я - Варыхан! – вскричал мурза, протискиваясь в комнату и хватаясь за саблю, – ведьма нас всех одурманила! Вот, эта ведьма! Рен, скажи ему! – он имел ввиду, конечно же, не меня, а моего...двойника.

Ситуация осложнялась тем, что мы с Варыханом незнакомы. А этого Рена он, похоже, знал. Чего-то меня эта путаница начинала напрягать. Я просто устал. Близнец отключился.

Толку от него...и ко всему прочему, вот же чертова Сана! Она в самый такой нужный момент исчезла – прямо у всех на глазах.

...

...Варыхан лежал на кушетке, его положили на нее после моего несколько запоздалого удара ёко, сабельку его я ликвидировал, а именно – выбросил в иное измерение. Оно образовалось на месте исчезновения Саны как легкое призрачное облачко. Я его и обнаружил-то совершенно случайно, когда саблю поднял. Она оказалась тяжелой! Махнул ею по воздуху, она и ушла в иное пространство. Тормозить не было времени, соображать надо было быстро, как во время скоростной езды по забитому машинами шоссе. Для верности и засапожный нож - туда же. Не выдержал Варыхан исчезновения ведьмы – с саблей ринулся на меня. Пару секунд я еще ждал, мне даже показалось, что он одумается, но нет. И нога инстинктивно пошла вверх.

А ведь Близнец мне сказал, что Сана будет нашей защитой.

Варыхан-2, оказавшийся Стасом, тоже чуть не учудил. Нервы и у него оказались ни к черту. Начал орать благим матом, что, мол, мы все суки и он нашу маму...и так далее...Рен-2 его осадил: «не ори! Хватит! Заткнись!». Рен этот быстро сориентировался: вырвал из недр холодильника початую бутылку водки, разлил по двум стаканам, один – мне, один – Стасу, а сам из горла потянул. Скушали. Заку-

сильно было нечем от слова вообще. Но – пошла убедительно. И я с удовольствием отметил про себя, что поступил бы в таких обстоятельствах точно так же.

Закурили. Рен-2 - мне:

- слушай, я не удивлен. Ко мне тут разные приходили...персонажи, так сказать. Они не люди, вот что страшно. Не люди, но выглядят как люди, фиг отличишь. Недавно такой вот нелюдь вообще хотел меня убить. В смещенном времени и не такое бывает, ты должен об этом знать.

Еще бы мне не знать. Но все же непривычно видеть перед собой – самого себя. А в том, что это я и есть, сидящий напротив, я нисколько не сомневался. У нас и мысли должны быть одинаковые. И течение этих мыслей должно быть одинаковое. Интересно, а член у него такой же, как у меня? Черт, хорошо пошла водочка. И сигареткой хорошо закусили, как ни крути. Меня немного смутило, что спящий, заблокированный Близнец вдруг сменил спокойный зеленый огонек на предупреждающий синий...обычно, после синего всегда загорался красный, и это означало явную опасность где-то поблизости. Пацаны вроде сидели спокойно. Стас курил, пошмыгивая. Рен-2 тоже курил, иногда посматривая вверх. Да нет, показалось.

Но разговор пока не клеился. И неудивительно. О чем нам было разговаривать? Мне – с самим собой? Да еще во плоти! С другой стороны, уже были отрывки воспоминаний о Сане, об этой ведьме, красавице восточной. Она, конечно, не ведь-

ма. Здесь, в этой мясорубке смещенного времени, она может быть кем угодно. Сейчас еще этот, околотатарин, очнется. И совсем будет весело.

- может, еще по одной? – говорит Рен-2.

Принято было «на ура». Ай да я-он! Выпили, крикнули. Тут очухался Варыхан, как-то с трудом. Хватъ за голову. Наверное, слишком я сильно его приложил. Быстро осмотрелся, схватился за пояс. Без сабли он как голый был. И с ходу ко мне:

- Ренат, где моя сабля?!

Я сделал вид, что мне надо выйти. Однако, это его «Ренат» несколько озадачило, он что, после моего удара начал меня узнавать?

- верни, прошу! - он буквально взмолился, - ты куда? Крик Душмана верни!

- да нет его! Улетел!

- Что ты наделал! – вскричал мурза. – где мой клинок?!

Интересно, с чего он взял, что это именно я выбросил его сабельку в иные бассейны пространства? И тут он увидел Стаса...да я и сам малость удивился. Стас встал и вытянул из какого-то угла комнаты огромный перочинный нож! Протянул его Варыхану со словами:

- вот, возьми, тебе он точно пригодится, а мне – только один вид...

Варыхан машинально взял в руки нож...видно было, что не отошел еще человек, не осознал того, что больше он свое-

го любимого как-там-его-душмана больше не увидит...смотрю, а ножик-то непростой. Он только с виду обычный. Варыхан кланяется своему двойнику. Примеривается, как его лучше взять, ножик этот.

И вдруг – встает, и направляется к выходу. На меня не смотрит. Никто не решается его остановить, да и слова тут бесполезны. Так он и уходит...

Рен-2 предлагает еще по одной стопке. Вернее, по стакану. Принято. Пьем. Что-то у него в глазах развеселое выражение появилось, у этого Рена, да еще с хитрецей какой-то. Выпили, а больше нету – пустая бутылка. Стас засуетился:

- это, я ща, я принесу...

- куда! – остановил его Рен, выразительно посмотрев на меня (мол, присмотри за пацаном), - я сам, я мигом, ждите!

И выскочил из блока, будто за ним черти вонючие, немытые гнались. Или он кого хотел догнать. Может, он за Варыханом? Мне это не показалось странным. Ночью, под утро, купить водки на Ленгорах возле Главного Здания...да чего, реально, таксисты еще и подерутся за клиента. Однако, цену могут загнуть такую, что...ладно, если вызвался, разберется. Да, а Стас уже прилично накушался, надо бы ему того...

- спать ложись, Стас! – говорю ему. – не жди...Рената.

- да что ты...панима...ишь...- заплетающимся языком ворочает он, - вот дамавой, он...все панимает...да ты ваще кто, а? ты ик...шианец?...драться будешь? Я тя урою, сучку ик...ик...шианскую...

Да, немного этому Стасу нужно было. Уже икать начал. Я постарался сделать вид, что ничего не понял. И вовремя.

Меня вдруг почесали за ухом...

Глава 2

В паутине «смещенки»

Мы с Ирен выкатываемся из главного входа в ГЗ, из того, что в сторону Смотровой площадки. Там обычно почти никто не ходит. Милиционер с кобурой на ремне наваливается на огромную, высотой в два этажа, дверь, потеет и тяжело дышит. Киваю ему, он мельком отдает честь, отдувается.

Долго же мы с Ирен проспали после столь бурной, «вальпургиевой» ночи.

Солнечный, откровенно радостный день, почти вечер. Все огромное пространство Ленинских гор просматривается до самого спуска к реке. После выпитого кофе, решили прогуляться с милой на Смотровую площадку. Ирен в белых, модных брюках в обтяжку, выгодно подчеркивающих ее стройные ноги, белой же приталенной курточке, волосы в тугом «хвосте». Идем, она взяла меня под-руку. Такой женщиной можно гордиться. То, что рядом сама Красота, уже большая честь для настоящего мужчины. И ты чувствуешь себя еще более настоящим. На зависть всем вокруг.

И, конечно, зависть не заставляет себя долго ждать. Какие-то козлы типа на крутой тачке делают «би-би» красивой девушке, намекая, что она не с тем гуляет. Она смеется, оборотисто улыбаясь только для меня. Она так не думает. Придурки на тачках в основной своей массе тупые и не по-

нимают, что женщина никогда не пойдет с тем, кто ей не интересен – хоть немножко. И что невежливо делать «би-би» и скалиться. Как бы так поступить, чтобы не убить никого из них? О, знаю! Я отвинчиваю некую часть тела системы тактического наведения «во всюду», размахиваюсь и со всей дури бросаю ею в этих козлов. Раздается целая какофония звуков! Свиной орочий рев, визг тормозов, звон бьющегося стекла и тут же – резкий звук «по газам», когда до них все-таки доходит, что девушка гуляет не просто с кем-то. Ирен ухахатывается, держась за бока. Все еще давясь от смеха, она говорит:

- Подбери часть тела, милый! Она еще нам с тобой пригодится.

Кстати, да, такими вещами не разбрасываются. Описав широкую дугу в дрожащем от смещенного времени воздухе, часть тела возвращается ко мне. Быстро привинчиваю ее назад. Но мои необычные способности были замечены. Проходящая невдалеке девушка в длинной юбке, с московской плюшкой в одной руке, и с черным псом на поводке – в другой, падает в совершенно пуританский обморок. Ее тело беспомощно оседает на траву.

- За мной! – команду я, ведь надо же ей помочь, оказать первую помощь, но нас опережает звук спортивного свистка. К девушке из-за деревьев подскакивает студенческий патруль, парни и девушки в количестве четырех особей. Они в светлых одинаковых шортах и при коротких зеленых галсту-

ках о белые рубашки. Они откровенно радуются жизни, они кайфуют от выполняемых ими задач и постоянно хихикают. Слегка покурили ребята, что ли?

Бедный пес рычит на них. Ребятки не знают, как подступиться к лежащей даме. Я приглядываюсь... батюшки-светы! Да это же ротвейлер Йен, я знаю этого пса.

- Йен! Мальчик! – кричу я ему, подбегая. Пес, наострив уши, садится на задние лапы. Мы с ним обнимаемся. Он признал меня по запаху. Но на этом сюрпризы не заканчиваются. На траве лежит Маринка Воронова, ярая анти алкоголичка времен учебы в...не помню, где она там училась. Я ведь знаю ее, она была первой женой знаменитого в Новокосино юриста Сержа Брандина и школьной подругой моей десятой жены. Йен, повернув ко мне голову, вслух, хриплым басом с нечеловеческими интонациями:

- Друг! Убери отсюда этих тупых! От них разит мерзко! Иначе порву, да!

Ирен подходит к нам, тянет руки к псу со словами:

- моя милашечка!

Йен – мне - быстро:

- самка с тобой?

Ирен невольно вздрагивает и подается в сторону, но любопытство преодолевает.

- Со мной! – уже оправившись от первого шока, киваю ему. И чего я вдруг? На мне Близнецы и это означает, что я понимаю любой язык, будь то собачий или змеиный. Пес

позволяет Ирен обнять себя, погладить, потрепать под-за ушами. Обращаюсь к студентам:

- Итак, ребятки, всем спасибо! Все свободны!..давайте, давайте, а то еще ваши рыбки кишочки соскребать с асфальта, оно мне надо? Видите, пес нервный?

Нисколько не изменившись в лицах, все хихикая, ребята уходят со словами: «доброго дня, сударь! Если понадобится, мы в секторе 2». Затем я подхватываю Маринку на спину и несу в сторону ГЗ. Пес Йен доверяет вести себя моей Ирен. Так и вышагиваем какое-то время. А Маринка плотная баба! Меня так надолго не хватит. Зря я прогнал студенческий патруль, они бы сейчас пригодились.

- Ну, чего ты! – слышу голос пса, - у тебя сейчас сердце остановится! Клади хозяйку на меня, да!

С облегчением сваливаю тело Маринки на Йеновский хребет и пытаюсь отдышаться. А пес ка-ак припустит во весь опор вперед!

- Ты куда! Тише, дружок! – кричит Ирен. Но Йен знай себе, мчится среди деревьев по травке, свесив почти до земли язык. Маринка на его спине так ходит ходуном, что того и гляди свалится. Что это с ним?! Мы его уже упустили из виду. Вдалеке слышится: «а ну, расступись, мгла позорная! А то зашибу, да!»

- туда, левее, вон там он лает! – кричит мне Ирен, пытаюсь бежать. Ну, конечно, она слышит только лай. Но что-то я быстро выдохся. Прошлая ночь вымотала меня, секс впе-

ремежку с вином и полетом на Шпиль лишил половины здоровья на сегодня. Йен добежит, милая, он способный малый...да ты посмотри! Она смотрит. Вдали, за деревьями, виден силуэт пса, с чем-то на спине, он поднимается в воздух...он взлетает? Он левитирует, перебирая лапами. Собачья левитация. Разве бывает такая левитация? В тот момент я и забыл, опять забыл про наличие у меня Близнецов, и вдруг отчетливо увидел на таком расстоянии перебирающего в полете лапами пса.

- Ничего себе! – ахает Ирен, – это он? Плохо видно.

Теперь мы пса не догоним. Все, нет его, исчез из поля зрения. Давай, милая, присядем на лавочку. Осторожно оглядываюсь. Мир вокруг еще никогда не казался мне более странным. В воздухе плотная рябь, ну ясно, значит, смещенное время очень...сильно смещено...и странности будут происходить по нарастающей.

Уже почти вечер, но еще не темно. Небо на Ленгорами просто огромно. Прекрасное теплое небо в преддверии скорого заката. Многие жильцы ГЗ вышли на прогулку, до смотровой площадки и назад. Но они не просто прогуливаются. Кто-то бегают. Кто-то даже ползает по травке, по газонам. Что это с людьми? А, приглядевшись, понимаю. Это китайцы занимаются гимнастикой тайчи. А вон парочка, так те вообще летят над землей. Позвольте, товарищи, как же вы летите? Оказывается, у каждого из них прищипандорена к ногам некая тележка с колесами, на тележке они стоят, тележка

летит по воздуху...

Тут меня осеняет!

- Товарищи, а вы из какого времени? Вы не из нашего ли светлого Будущего?

Они на меня смотрят как на придурка. Мы с Ирен смеемся. Они пролетают мимо, перед уличным пешеходным переходом (единственным сохранившимся на Ленгорах) приземляются и смешиваются с толпой. Их, конечно, многие видели, но никто почему-то не удивляется.

Пока я тарасился на мир вокруг, на его странности и красоту, пока уходил и приходил в себя, не сразу осознал вдруг, что Ирен давно уже молчит. Голову направо, легионер...а Ирен внимательно смотрит на меня, сбоку, изучающе...

Ловлю этот взгляд. Знаю этот взгляд. Ну вот, приехали. Не сейчас, любимая. Этот взгляд я знаю очень хорошо, это взгляд любви, знакомый взгляд, и не только любви, но и нечеловеческого, похотливого безумия, как давеча на метле... Он обещает блаженство всех миров, вместе взятых. Что ее опять так возбудило? Не знаю. Но уж если этот взгляд возник, то все – пока женщина не будет удовлетворена в своих желаниях, тебе, мой друг Рен, не отвертеться...но я так устал вчера и сегодня с утра, никогда не думал, что можно так устать от любви...Встаю с лавочки: - Милая, может, мы полетим?

Она смотрит на меня снизу вверх совершенно темными, дикими, источающими любовный огонь глазами. Полетели,

соглашается она. Беру ее за руку, и вдруг что-то неземное пробегает по наэлектризованной коже, и мы...взлетаем над асфальтом, преодолевая силу притяжения, набираем приличную высоту. Вижу внизу сотню обалделых приоткрытых ртов, и столько же протянутых вверх рук...вот уже и ГЗ близко, а мы летим! Без метлы и этих ее ведьминских штук. Приближаемся к окнам! Надо левее, сектор Г левее, кричит Ирен. Знаю! Подожди, не сбивай – мы летим на моем настрое! Если настрой исчезнет, упадем, к чертям! Она смотрит на меня сбоку, с полным восторгом, сжимает мою ладонь так, что я чувствую, как сила Инь просто бурно, словно цунами, обрушивается на мой мозг и вызывает ответную реакцию!

Вот и наш сектор Г!

На самом-то деле, настрой настроем, а мы летели благодаря Близнецам. Я о них опять забыл в тумане усталости, и про Маринку забыл, и про Йена, беднягу, где они сейчас? Неважно. Ночью меня катала на метле Ирен; словно была другая, немножко иная Ирен; ее кроваво-красные зрачки, заострившееся лицо, набухшая грудь вызывали восторг! Мне повезло – я увидел ту женщину, которая обычно скрывается в дальних далях своей души, и откроется не каждому...но мне открылась.

Почему?

...а теперь мы летаем с помощью Близнеца и благодаря смещенному времени...

Я осторожно снизился перед входом в сектор, и очень удачно – никого вокруг. Не помню, как оказались с Ирен в лифте, она на меня страшно смотрела, отвечая на мои поцелуи, и уже совершенно не помню, как оказались в ее блоке...дикая и одновременно восхитительная вещь, когда в женщине ненадолго просыпается ведьма.

Возле пульта дежурного по этажу пусто. И вот мы одни, и ее соседки нет. Я раздеваю Ирен, медленно, наслаждаясь ее ароматами, отмечая про себя все увеличивающуюся тьму бездонного вожделения, пылающего в ее глазах...она уже не улыбается...да и мне не по себе - силы вернулись!

Вдруг слышу ее низкий, хриплый шепот:

- подожди, я сейчас...

Нет! Никакого *душа*! Потом...ты и так вкусная...

Она вся в моей власти, и я знаю, что она сейчас сделает все, о чем я ее ни попрошу...но попросить не успеваю...

Глава 3

*Ты трепетала каждой жилкой
Среди безмолвия ночного,
Над жизнью пламенной и пылкой
Держа задумчивый фонарь...
Ты не жила, — так было встарь.
Что было встарь, — не будет снова.
Марина Цветаева*

Ретроспектива, фрагмент 2.

С нами часто происходят те или иные события, многие из которых впечатываются в память надолго и продолжают оказывать магическое воздействие из своего великого Далёко.

Место, где живет человек, имеет колоссальное значение для его внешней и внутренней жизни. Вне зависимости от того, осознает он это или нет. Жаль, что многие об этом никогда не задумываются.

Однажды приехав в Москву, я влюбилась в нее навсегда! Это был Мой город по определению и по многим причинам. Иногда я его покидала, порой надолго. Но ни Кубань в целом, ни Ставрополь, ни Невинномысск в частности - не могли сравниться со Столицей, с Ленинским проспектом, с Ленинскими горами...

Возвращалась каждый раз другая женщина. Так повторя-

лось снова и снова, бесконечное число раз. Бесподобный, вечный круг поездок туда, возвращений сюда...

Этот город всегда действовал на меня завораживающе, он будоражил и будоражит до сих пор мое воображение...он остро благоухал, к примеру, весенним вожелением, желанием беспорядочных знакомств, когда теплый ветерок, врываясь в твою скучную маленькую комнатку блока в Главном Здании, что на Ленинских горах, облетал все ее скучные углы, и торопил, и призывал: ну же, чего сидишь, время уходит, иди, познакомься с кем-то, пригласи его, выпейте шампанского, пусть оно ударит в голову, задурманит, отключит все лишнее, отдайся своим желаниям, получи наслаждение – просто так, без всяких условностей...

К счастью (или к сожалению, кто знает), я так не могу – с кем попало, с первым встречным.

Надо сказать, что весна всегда – особенное время года, но как она действует на человека, живущего в Главном здании МГУ...м-м-м, это всегда как чудесный волшебный эликсир, выпив который, человек может сойти с ума.

Как день, прожитый за год. Как день, прожитый словно последний день, а потом, будет ли завтра, да не все ли равно...после зимы воздух ластится в твоё окно, птички утром щедрьы на разный лепет, солнышко греет все настойчивее, и старается пробиться через занавеску комнатки, недоумевая - ты чего, подружка, вот же я, мы же обе соскучились по теплу, вставай!..

Я остро чувствую особенную, насыщенную, пульсирующую жизнь ГЗ, где ежеминутно с невероятной силой происходят притяжения и отталкивания самых разных людей...встречи и расставания...расставания и встречи...

Конечно, я говорю о Главном здании МГУ как об одном из самых уникальных, загадочных и непостижимых мест Великого города. Для меня. Это место – круговорот Необычного.

Здесь можно встретить так называемых вечных студентов, аспирантов, людей, настолько влюбленных в само это место, что они не могут без него жить. Им хорошо только здесь, и они живы - только здесь. Они готовы стать лоботрясами, они готовы быть бедными, но они не готовы оставить сам дух такой жизни...живущие на одну стипендию, даже порой без нее, почти нищие, но не нищие духом...Магия студенчества, магия времени, проведенного здесь с друзьями и подругами, лучшего времени твоей жизни под названием Молодость, не оставляют им выбора. Это притяжение похлеще земного, и его ничем не заменишь. Обмануть самого себя тоже нельзя, чувства не обманешь и невозможно им сопротивляться, они как мощная волна, попробуй, останови ее...

Это совершенно необычное место, со своими тайными ходами-лабиринтами и мистическими влияниями на обитателей. Здесь в любой момент ты можешь оказаться в водовороте событий и переживаний, которые настигают тебя с та-

кой исполинской силой, которой ты совершенно не можешь и не хочешь сопротивляться...

Если бы не Рен, я бы никогда не узнала, что Главное Здание на Ленгорах – Странное. Оказывается, так его называют ино, в вольном переводе Рена с их языка. Он не пытался убедить меня именно в этом, нет, он просто брал меня под руку и вел наугад, забираясь в «жирные» внутренности коридоров, залов, аудиторий... мы целовались в уютных тупичках, заставленных громадными железными сейфами и старой мебелью. Это было блуждание вне времени, потому что, когда тебе 25, то кажется, что его у тебя бесконечно много. Именно блуждание, по лестницам и проходам, освещенным совершенно фантастически приглушенным светом ламп, и мы шли, и натыкались вдруг на закрытую дверь, настолько *закрытую*, что ее невозможно было ничем открыть; за этой дверью мог быть другой коридор, могла быть пустая заброшенная аудитория или потайная лестница в другой сектор Здания; даже, может быть, просто в *другой мир*... надо было возвращаться назад, но рука Рена ложилась на твои бедра и бесшумный поцелуй гасил и без того прерывистое дыхание, и ты уже не понимала, зачем идти дальше...

Сама атмосфера гигантского организма Здания тянула, звала, призывала: поброди, с замиранием сердца или без замирания, полазь, повысматривай, поозирайся... поблуждай по моему микро-городу. Да кто же не мечтал проникнуть в самые дальние закоулки Великого творения тирана? Может

быть, не все, но самые отчаянные романтики - уж точно.

Большинство из тех десяти тысяч, что проживали в Странном здании, скорее всего, не испытывали тех чувств, что возникали у меня. Здание для них было просто зданием, где всюду пахло старыми, заношенными за прошедшие десятилетия вещами, мебелью, тканями. Но если ты попадал на «одну волну» со Зданием, если ты по жизни чувствовал все ярко и необычно, то Здание... делилось с тобой своим ощущением Вечности.

Оно давало тебе тишину и спокойствие в маленьких, уютных отрезках пространства, называемых блоками, в каждом из которых было по две комнатки (например, 939-ая, правая, в ней жила я, а в 939-й левой жила моя «мертвая» душа). Если ты кому-нибудь вдруг становилась нужна во внешнем мире, в зоне Г, на твоём этаже, раздавался звонок черного телефона у дежурного по этажу, и он вызывал тебя, нажимая специальную черную кнопку на пульте. Ты могла не выходить из своего блока днями, неделями, затвориться, отгородиться от жизни вообще, и никто не потревожил бы тебя.

Оно давало тебе чистый воздух по утрам, пение птиц и солнышко, а соседи из других блоков шли на общую кухню готовить себе завтрак, и все происходило как одно и то же событие – изо дня в день.

Иногда можно было спуститься в студенческую столовую №1, в цоколе зоны Б, а еще лучше - посидеть в профессорской столовой, больше похожей на ресторан. Здание име-

ло высокие потолки, даже в твоей комнатке они были высокие, и ты никогда не чувствовала стесненности и дискомфорта...но одну вещь Здание незаметно принимало от тебя взамен – твои секреты, все, что ты делала и о чем думала в его четырех стенах.

Ты никогда не была одна...но...могла ли ты доверить Зданию самое сокровенное, если бы знала тогда, что *Оно живет с тобой одной жизнью?*

Вскоре я убедилась, что Оно умеет хранить свои и чужие тайны.

В темное время суток Странное здание преобразается, начинается совсем другая жизнь. Дыхание этой жизни обжигает и кажется, что весь мир – твой, и хочется его обнять, и чтобы он обнял тебя. Но в то время мне больше всего хотелось попросту чаще оказываться в объятиях своего мужчины...

Именно тогда я поняла, что Ночь - самое продуктивное время для моей учебы. И не только потому, что в это время тише обычного на этаже, и можно спокойно поработать над темой диссертации, но и просто потому, что ночью...я частенько превращаюсь в ведьму, по непонятным причинам, благодаря ли невероятной смеси кровей предков или по какой другой забаве судьбы, и с двух до четырех утра могу вытворять все, что захочу. Конечно, не каждый день. И тем более, не сегодня, когда у Рената дежурство, и он будет любить

меня всю ночь так, как не любит никто на свете. И да, он ведь о моей ведьмовской сущности пока даже не догадывается. Легкомыслен, как и все мужики. Так что, вероятно, не кровь делает женщин ведьмами, а сама жизнь.

...Он как раз заступил на дежурство, услышала его голос. Сразу сердце забилося чаще, и гамма чувств переполняет: радость, восторг, смущение, томление... и все это – одновременно. Вышла в большую кухню, якобы поставить чайник на плиту.

- Привет! (я: глаза немного по сторонам, проверяя, нет ли кого поблизости).

- Привет! (он: со спокойной, уверенной улыбкой, ему пофигу, есть ли кто поблизости).

И так радостно на душе!

В этот день я весьма довольна собой. Удалось хорошо поработать в библиотеке, значительно продвинуться в теме диссертации и, я дала себе обещание завершить, наконец, этот свой осточертевший уже научный опус, передать его по назначению и переключиться на другую тему. Как часто мы даем себе самые разные обещания, но всегда ли им следуем?

Никого вокруг, тишина абсолютная, и это удивительно, потому что в подобных местах такое бывает редко. Странное здание на время как тот зверь, затаилось, почти не дышит...

Я подхожу к нему. Не слишком близко, чтобы искры не посыпались. Он встает при моем приближении, и я с обо-

жанием, плохо скрываемым, смотрю на него снизу вверх... и со всех сторон сразу... Меня определенно к нему влечет, я хочу его видеть, слышать, чувствовать. У него такая заразная улыбка и потрясающее чувство юмора. И еще Голос – который действует на меня совершенно особенным образом...когда он рядом, в моем теле поднимается волна – прилив радости, нежности и желания, и еще чего-то непонятно-го. Ну, бывают же такие состояния...хочется это просто переживать и чувствовать, возможно, это одно из тех редких совпадений, о котором другие люди только мечтают.

Возможно ли, что и Странное здание сейчас тоже в этом... мистическом сопричастии?

Мелькают какие-то смутные догадки, но мысль сама собой уплывает в другую сторону, как бы вверх по течению...по течению, туда, где наши души после отрыва от телесной оболочки будут бродить в цветах, среди прекрасных парков будущего, среди яблоневых садов Ленинских гор, которые через тысячи лет назовут как-то иначе. А мы все равно будем там бродить, взявшись за руки...и наши голоса сольются в один голос и одно дыхание в Вечности, в такт негромкому биению пульса душ, слышимому только нам, и каждое расставание на миг будет расставанием навечно...Именно так!

И никак иначе...

Вечер, в сущности, только-только начинается. Вечера в ГЗ вообще начинаются ближе к полуночи...Мы с Реном оказы-

ваемся в круге некой магической защиты: нам никто не мешает. Такая благодать! Жадно смотрим с милым друг на друга, о чем-то болтаем, хотя слова в этой ситуации не имеют ровным счетом никакого значения. О чем бы мы ни говорили, хотя бы о самой английской королеве или о еще какой-нибудь фигне, да черт знает, о чем еще – на самом деле это всегда разговор о Любви.

Ведь это так и бывает - любовь мультязычна. Речь. Жесты. Мимика. Ритм дыхания. Выразительность взгляда. Тембр, интонация и модуляция голоса. Фазы прикосновений. Запах тела...

И влюбленные мгновенно понимают друг друга без всяких слов. Но иногда слова нужны, чтобы создать некий фон.

В этот вечер Рен предлагает мне предаться любви. Конечно же, я этого хочу! Но...

Но внутренний голос настойчиво и неумолимо напоминает мне об обещании, данном самой себе: всю энергию направить на завершение работы! Я отношусь к людям, которые стараются выполнять данные обещания. Для меня это важно. И я принимаю решение: развеяться, сходить в кино, куда меня так неожиданно позвала одноклассница Катя, а ночью поработать и, возможно, поставить последнюю точку, логически завершив некий этап работы. Я очень не хочу, но так надо.

Это много позже я пойму, что нет ничего важнее мгновения, которое уже не вернется. И хрен бы с ней, с этой учебной

и диссертацией, закончить можно и в другой день...может быть, даже в другой жизни...

Невероятно, но приоритеты молодости – непомерное Я, глупость и упрямое мнение, что ты можешь и знаешь всё.

Не без усилий оставляю Рената, и ухожу в кино.

Один из модных в те времена видеосалонов. Самое начало Перестройки. Советские люди, наконец-то, почувствовали «вкус западной демократии». Это запрещенные ранее фильмы. Это шмотки от самых лучших знакомых и друзей, ставших из фарцовщиков бизнесменами, ставших в силу своего времени. Времени агонии Великой страны, агонии наших надежд на четкую и размеренную жизнь, с надеждой на стабильное будущее; времени, распахнувшем все хорошее и нехорошее, что было в нас...

И вот, в одном из телехоллов зоны А, с обычной видеокассеты формата VHS, с огромной магнитной видеоголовки громоздкого советского видеомэгнитофона ВМ-12, бывшем тогда супервещью, с допотопного экрана допотопного советского телевизора демонстрируют фильм, о котором я ничего не знаю. Последний вечерний сеанс, примерно около полуночи. Пятница, впереди выходной день, и народа пришло немало. У людей горят глаза, но они стараются это скрыть. Для меня этот поход - абсолютно случайный выбор. А для них?

Но, возможно, все не случайно?

Крутили «Греческую смоковницу».

.....

Боже мой! Кое-как досидела до конца: наблюдать такое сгущение эротики и сексуальных сцен в одном фильме и оставаться при этом невозмутимой – крайне трудно. Я же не монашка. Кто это придумал, как это совпало, на какой небесной карте – показать этот фильм именно сегодня, именно здесь, именно мне?!

(с текущим сожалением: а он ведь там сидит, за своим пультом, улыбается...)

Мое тело бурно реагирует, желания поднимаются, и заявляют о себе с такой настойчивостью, что прежний неумолимый внутренний голос уже совершенно не оказывает на меня никакого действия.

(вспомнив вдруг: а ведь он лучший любовник...о, да...лучший из всех...твою чертову мать, что я тут делаю, среди этих явных сублиматоров, зачем я пошла на этот фильм?!)

Как это там, по-научному...суперэго пасует перед натиском ИД!

Возбуждение нарастает с бешеной силой, и я понимаю, что с этим надо что-то делать...

(с горьким сожалением: какая же я невероятная, бесконечная дура!..)

От этой мысли чуть не плачу!

Выбегаю во дворик в надежде, что глоток свежего воздуха меня взбодрит и поможет вернуться в прежнее состояние,

более-менее управляемое. Делаю несколько глубоких вдохов-выдохов, повторяю это несколько раз. Обычно это помогает мне справиться с волнением и вернуть утраченный контроль над телом. Но сейчас – ни в какую, никак! Смотрю на звезды. Их россыпи сливаются в сплошные расплывчатые пятна, но величественный дрейф ночного неба не вселяет ожидаемого успокоения в душу.

И тут мой взгляд упирается в башню с часами. Время-то еще детское! Еще и двух утра нет! Какая же красота...

На фоне ночного неба Шпиль МГУ особенно красив и загадочен, его мерцание сегодня необычнее необычного...да сегодня все необычное. Кстати, и Рен тоже. Он всегда заходил и с порога молча и неистово целовал меня, и этот поцелуй длился долго, пока я не становилась «без вина пьяная». Подготовив меня таким образом к ночной любви, он телепортировал на свой огромный черный кожаный диван. Никуда не ходи, милая, понимала я, сегодня ты моя и только моя, никуда не ходи, слышишь?!...а тут, после моего заявления насчет кино с подружкой, вдруг говорит: иди, иди, посмотри, развейся, и улыбается, улыбается!..

...послышался утробный стон металла, раздираемого на части от напряжений. Шпиль...огромная нависающая гора, качнулся в мою сторону, как бы приветствуя меня! Это как это...оборачиваюсь назад, не привиделось ли мне от возбуждения...ну вот, или схожу с ума, или на фоне колоссального сексуального сдерживания у меня что-то с вестибулярным

аппаратом, и качается не Шпиль, а я сама! Нет же, мне не показалось.

Медленно перевожу свой взгляд на стены, светящиеся окна, двери зоны А и понимаю вдруг, что это Странное здание дразнит и манит меня, притягивает, наблюдает за мной, и наверняка, даже пытается что-то мне сказать на своем странном, каменном языке...

...вы не ошиблись, великолепная, насчет своего Рена...

...не ошиблась ли я?..что? кто говорит со мной?..

...он думает только о вас, дорогая...

...но как вы об этом узнали...как вы узнали...

...это труднопонимаемо...для вас, прекрасная...он ждет вас, сейчас...

...о боже, понятно, быстрее, надо успеть, пока Он не лег спать в каком-нибудь неизвестном мне блоке.

Бегу длинными полутемными коридорами. Скорее. Скорее! Как удачно! Рена нет за пультом дежурного по этажу, но его голос раздается где-то недалеко. Он...обходом обходил онежское озеро, обнаружил обнаженную ольгу, отдайся ольга, озолочу, отойди отец онуфрий, а то...м-м-м, э-э-э...И вот - знакомая дверь моего блока, вокруг клубится серый туман почему-то, прохожу сквозь него...все, можно отдышаться. Но не получается отдышаться. Сердце колотится просто бешено. Как же долго у меня не было особи мужского пола, долго, очень долго, третий день сегодня пошел, а я девушка

порядочная... с кем попало не сплю и все такое...

Рен пошел с обходом этажа или покурить. Мне надо как-то избежать пока встречи с ним. И... О! Как же хочется секса, просто невероятно! Просто до умопомрачения! Вагина пылает! Невозможные желания, невообразимые сцены вертятся чертовым колесом! После этого чертового фильма!.. надо быстрее превратиться в ведьму! Руки, смотрю на руки. Трясутся. Не получается ведьмой стать. Где мои ведьминские травки? Да зачем, шепчет кто-то в голове, почти 2 пополуночи на часах... и луна полная... эх-х! да я уже ведьма! Полетаем с милым на метле, придется открыть эту мою сущность женскую... постой... а надо? А вдруг он поймет все не так... или вообще не поймет?! Нет, нет! Все он поймет... это же мой Рен... эй ты, *озабоченная манда*! Одно дело – любовь там, красивые слова, в глазах огонь, неумные любовные утехы в твоей комнатке или съемном блоке на другом этаже (спасибо дежурной по корпусу), короче говоря, сплошная аспирантская романтика... и другое дело, ну, совсем другое дело, это – когда ты станешь на часик ведьмой, глаза твои заволочет потусторонняя мгла, грудь станет больше и чувствительнее, не говоря уже о вагине, готовой раскрыться каждому встречному-поперечному, и у тебя появится нестерпимое желание раздеться донага при полной луне, искромсать кого-нибудь ногтями (а они ведь у тебя станут прочными как сталь и острыми), и еще более нестерпимая, просто таки зверская необходимость впиться клыками

в сочную плоть, и ты даже временами не будешь понимать, что вообще происходит, где ты и что ты...ты точно хочешь, чтобы он *это* увидел?...раскудрит-твою-калитку-через-балку-по-кривой...да, хочу! Почему нет? Как надоели эти секретики вонючие...у-у-у, разьебала бы всё тут! Мужики почти все сволочи, блядуны, мать их! А бабы – дуры безмозглые, а счастье, сука, в труде! Так ведь нам внушало советское начальство! А мне сволочь не нужна рядом, ясно? Пусть всё узнает обо мне, а там посмотрим, мне терять нечего, проблем и так хренова гора!...да!..вот и увидим...на чем он там был замешан, на каком тесте. Не понравится мой вид, так пусть уёбывает, и точка.

Черт! Надо отдышаться. Из-под двери проникает тонким слоем тот самый серый туман. Начиная что-то хаотично листать, это оказывается «Книга пяти сторон», отбрасываю ее, тошнит уже от нее, сейчас бы журнал с эротикой...пью воду, а это не вода, а чайный гриб, тьфу, твоюжмать!...где-то тут должна быть метла, я ее тщательно прячу от Рена...и винцо кровавое, тоже прячу, нельзя, чтобы милый все это вдруг обнаружил...

...да чего уж! роняю что-то на пол, это оказывается искусственный фаллос, огромный...откуда это здесь?! А! приглядевшись по-человечьи, сквозь пелену чертову, вижу, что это всего лишь пустая бутылка из-под вина...мечусь туда-сюда, и начинаю на глазах стервенеть! где же моя метла, твари дрожащие!!? Или я не ваша королева Луны?! вклю-

чаю-выключаю свет, глаза уже наливаются потусторонней кровавой мглой, с примесью четвертой группы резус отрицательный...или положительный...еще немного, и разнесу всю комнату, весь блок, весь этаж! Надо взять себя в руки! А то всем пиздец!!! Хорошо, что у меня соседка – «мертвая» душа...да, мертвая! Мертвее не бывает! И будет еще мертвее, если не найду метлу! Быстрее, надо зелья мужского! Хоть немного...хоть чуточку...но за пеленой невероятного возбуждения понимаю, что за этим зельем надо к нему, только он мне может дать его.

Из моего возбужденного горла вырывается ведьминский рык: «су-у-ка!» Я его направляю в унитаз, чтобы никто не услышал, чтобы *Он* не услышал...это немного помогает. Но все равно такое чувство, что замер весь этаж, да что там, весь корпус Г...

И вот...в какой-то миг, совершенно обессиленная...сдаюсь!

Отпустило...немного.

Что, уже 4 часа утра?! Но нет, с усталым удивлением смотрю на часы. Около трех. Значит, эта «волна» продолжалась всего час?

Чары немного сгинули. Может быть, ярываюсь зря в своем стремлении охватить сразу все? Бывший муж, дочка-лапочка, теперь вот Рен...и всех ведь люблю. По-своему. Эх ты, ведьма, женщина...а что «эх ты»? Что вы знаете о нас, женщинах, дураки несчастные? Что о нас известно? Что

у нас есть логика! Ха-ха! Кстати, ничего смешного. Мы во всем отличаемся от вас. Мы умнее. Изящнее. Красивее.

Что?!

...для продолжения рода? Для любви? Для материнства?
Для чего же мы, женщины, созданы?

Отстаньте от меня, *все и навсегда, уйдите в лес*. Но эти рассуждения про себя - это надолго. Можно так и до самого утра рассуждать. Это вопросы высшего порядка, а мне они не нужны. Я хочу к моему любимому. Пока плоть моя жива, пока я молода, я хочу просто любить и быть любимой. Ведь не зря же только *Он* меня волнует сейчас. Я хочу его. А вот хочет ли он меня...по-настоящему? Скоро узнаем.

От чего или от кого я бегала?

Теперь понимаю, что от самой себя (какая дурацкая заезженная фраза, все-таки). Бывает интуитивное предчувствие чего-то такого, неизбежного и сокрушительного, что из всех сил оттягиваешь...

Но час X неизбежно наступает.

Ладно, не то чтобы «я сдаюсь», но...Я СДАЮСЬ. Что тут удивительного? Именно в этот вечер, именно после этого фильма я сдаюсь и возвращаюсь к Нему. Зов плоти способен заставить глаза и здравый смысл, он убийца, он убивает все на своем пути. Все и всех. Это сильнее атомного взрыва, когда женщина кого-то или чего-то по-настоящему хочет...

Выхожу из блока и делаю долгие несколько шагов к пульта

этажа. Он приветствует меня своей очаровательной и... понимающей улыбкой, что-то снова говорит мне. Еле сдерживаюсь, чтобы не наброситься на него здесь же, прямо за пультом, прямо на этом диване...заявляю ему о своих желаниях, пытаюсь еще придать этому пристойный вид!

- может, мы все же переспим, и прямо сейчас!?

Нет, не так.

- Зайдешь ко мне на чашечку кофе, дорогой?

Не так! что же ты за балдаиванна!

- Пойдем, милый, пойдем же ко мне...да плевать, на всё!

Ну вот, как-то так...

Умыкаю его к себе.

Где же метла? Да вот же она, выглядывает из-под кровати. Рен лезет со всякими глупостями типа поцелуев, но нет, подожди, я сейчас тебя так подготовлю, так взгрею по заднице, так у тебя желание подскочит...

Была не была.

Либо он мне поверит до конца после такого, либо отвергнет. Усаживаю здорового парня на метлу, та автоматически вытягивается, становится толще, и...что такое? Ага, он удивлен! Он вдруг, приглядевшись, наконец-то замечает во мне что-то новое! Что-то иное, не то, к чему он уже привык. Пытается заглянуть в глаза, одной рукой отводя в сторону челку волос...подожди, не смей смотреть мне в глаза, в такие глаза тебе смотреть нельзя, пока что, может, позже...Открываю окно, проклятая рама скрежещет, при полной луне мет-

ла, затюканная заклинаниями, начинает дергаться и рваться ввысь.

В этот момент где-то, у кого-то, с невероятно громким звуком вдребезги, на мелкие кусочки разбивается тарелка.

- Держись! – шепчу Рену, – обхвати меня руками!

Мы взбираемся на подоконник, вываливаемся в окно и держим курс на Шпиль. Рен орет во все горло от неожиданности. Ему нравится!...о полном восхищении мной! Да, и он так сжал мою грудь, что даже больно немного стало. Молодец, милый! Молодчина, родной! Ничего не бойся! Только тише, не ори ты так, а то нас заметят.

Ночью купол Шпиля сонно отблескивает в лунном свете, и лунный камень, из которого Здание состоит, как бы тлеет изнутри размазанным голубым свечением, и многочисленные окна зловеще темны, а лифтовые колодцы бесконечно бездонны...тело начинает зудеть, преображаться, грудь становится сверхчувствительной, соски набухают, вагина наливается «ведьминым пуншем», и сознание ведьмы овладевает мной периодически, насмехаясь над моим женским «я»... один раз, другой...да ты, сестренка, не тем занята!

...Мужика, что ли, в постель? Самое простое. Я и не то могу. Обычно, когда полнолуние и хочется пошалить, я сажу дежурного по этажу, зажимаю его голову между ног, и лечу прямо на Шпиль Здания. Там есть маленькая площадка, на самом куполе, выше только небо и звезды. Этот при-

дурок орет благим матом, ему страшно, ну еще бы, высота больше двухсот метров...

Вот черт. Наваждение бесовское. Он и правда орет, только восторженно, залихватски. Сгинь, нечистая пелена! Сгинь, хренов туман! *Ты, метла, не подведи, с лешим только не сведи, а вот с милым помоги, с милым ты меня сведи!..* Со мной же сегодня мой милый, мой Рен! Мы с ним пикируем на площадку Шпиля, и она как-то сама собой расширяется.

- Ты веришь мне? – говорю, потому что он с опаской поглядывает вниз, а там...красотища! Весь город как на ладони, и везде гроздья огней...Ты же знаешь, что верю, отвечает, с веселой удалью влюбленного заглядывая в мои налитые кровью зенки. Если люблю, значит, верю.

- Так ты будешь меня любить и *после этого*?

Он смеется, и глаза его говорят вместо тысячи слов: буду любить, и еще сильнее! Ибо - что изменилось?!

Не это ли любовь, когда ты открываешь себя человеку полностью, всю свою душу выворачиваешь, потому что хочешь этого; и все тайное становится явным, тайны появляются только потом, позже, когда первая, безусловная любовь проходит, и вот тогда появляются тайны...о которых ты даже не подозревала, что они, такие, бывают...но, сейчас все отлично, сейчас свежая любовь, и тайн нет!

Это бывает только раз в жизни – когда такая любовь! Только раз в жизни! О, как же хочется летать от этого чувства!

- Ты куда, Ирен! – кричит мой любимый с изумлением.
Скоро буду, не бойся, я здесь, рядом!

...ведь обычно я летаю голой, сначала возле Шпиля, кругами, ворожу по звездам, шиплю на полную луну (так можно иногда увидеть на ее лице какое-нибудь новое заклинание, потому что она, сонная, в ответ раздраженно шипит на тебя), одежду кинув прямо на дежурного, и кричу ему, что, если он ее потеряет, сброшу его вниз. На самом деле мне все равно, эти глупые польские шмотки, проданные толстым похотливым фарцовщиком, мне не особо нужны. Затем, еще немного полетав в лунном свете, при отблесках золотистого Шпиля, визжу до хрипоты, и вот тогда приходит пора покушать мяса сочного сырого, а потом поваляться, покататься, да запить винцом красным, кровушкой, что в комнате, в холодильнике припасла!..Рен обалдело на меня таращится, что-то кричит, но уже не с таким весельем в голосе...опять, что ли, мне сознание застило ведьминским угаром? Так и есть, дура, переборщила!...погоди, милый, не злись, сейчас вернемся назад, а кстати, который час?

...большие часы Здания вдруг еле слышно скрежещут...черт ты рогатый, хрен ты мордатый, уже почти четыре утра! Вот так всегда! Когда полнолуние и летаешь голой, время ну прям за одно мгновение проносится! Эй, милый, полетели обратно, а то вот-вот петухи прокукарекают, тогда метла превратится в веник, а мы долбанемся сверху так, что костей не соберешь!

...Сознание мое настолько смешалось, что не помню, как ввалились в комнату через окно. Успели. Не знаю, что он видел, не знаю, что он чувствовал в тот момент, но его взгляд говорил сам за себя.

Мне надо было немного передохнуть. Заперлась в ванной комнате, под благовидным предлогом, тело возвращалось в норму, и ведьма как в той сказке, вздохнув громко, вновь обернулась в красивую советскую аспирантку...

...ну вот, ты видишь, что теперь у меня нет от тебя тайн, видишь, я и женщина, я и советский аспирант, я и ведьма, я и мать, мать ее...ну, что ты молчишь, как воды в рот набрал, растудыт ты по деревне...

...но самое главное, что *я тебя люблю, ты мне нужен*, мне без тебя плохо!

Бери меня. Сжимай в объятиях, целуй как в первый раз, вот она я, вся твоя! Не останавливайся! Не смей останавливаться. Пей мое медовое колдовское зелье, пей прямо из уст, делай со мной что хочешь! Только дай мне Любви! Мне, твоей женщине, нужна только Любовь, пусть даже ненадолго, но – без фальши, настоящая, твоя!...

А далее...

Далее была потрясающая ночь любви, восхитительный сексуальный диалог, и бесконечное кружение в водовороте взаимной страсти, когда, наконец, можно отпустить свое тело на волю...я его и отпустила, и такие сладострастные ночи

бывают, наверное, не так часто у человека, будь он мужчина или женщина...

Когда он засопел, откинувшись и расслабившись, я еще какое-то время с удовольствием вспоминала нашу любовь. Все эти позы, весь этот пот, прерывистое дыхание и бесконечное наслаждение, и еще, еще...и так до бесконечности...

Именно в эту роскошную ночь любви ко мне приходит удивительное озарение, смутное приближение к какой-то Тайне, связанной со Станным зданием.

Я ничего не говорю об этом Ренату, может быть, он даже догадывается или совсем скоро догадается. Но я остро чувствую каждой своей клеточкой и понимаю, что в самые высокие мгновения нашего экстаза мы с Реном - не одни...с нами Станное здание, здание-лабиринт, здание-загадка. Оно днем и ночью наблюдает за нами, с помощью безмолвных стен, занавесок, потолков, оконных рам...Как раньше это не приходило мне в голову? Ведь я всегда чувствовала что-то особенное в его атмосфере, в магическом пространстве бесконечных комнат!

У него - точно есть Душа.

И теперь я определенно чувствую, что его стены навсегда впитали в себя и сохранили энергию нашей страсти, ароматы нашей любви...возможно, здесь я и приблизилась к тайне самого Станного здания и есть предел, за который не следует заходить.

Но если еще чуть-чуть...

Возможно, что его невероятная и магическая мощь, сила и монументальность питаются флюидами влюбленных человеческих тел и душ?

Смешно, но...

Сколько их обитает в его стенах? А сколько обитало до нас? Как много их свободно гуляют в гулких пространствах мраморных залов, ночных секторов, покинутых аудиторий и бесконечных подвалов? Их тысячи тысяч, тех, кто здесь когда-то учился...или просто жил здесь...

А дикая красота негладаных сближений и трепетных расставаний, завораживающая красота, которая здесь рождается - это такой бесконечный эрос, порождаемый самим существованием Странного здания...эрос невозможного...

Мы лежали рядом, сердца гулко бились, постепенно успокаиваясь, а утро уже давно наступило, но я все не могла уснуть, его закрытые, уже спящие глаза рядом иногда подрагивали, я чувствовала в своей руке его нежное пожатие, и понимала, что на такую нежность способен только любящий мужчина...

И любимый.